
ПОКА
ГОРЯТ
ФОНАРИ
Марта Ровенская

Марта Ровенская

Пока горят фонари

https://litres.ru/74790753
SelfPub; 2026

Аннотация

Эйра Вейл создаёт фонари, которые запасают дневной свет. Для её маленькой мастерской городской заказ — редкий шанс, а для жителей нижних улиц Эверна — надежда больше не добираться до лечебницы в темноте.

За безопасностью испытаний следит Дарен Арвент. Он привык всё проверять сам и неохотно говорит о войне. Эйру сердит его строгость, но за рабочими спорами всё труднее скрывать взаимное влечение.

Когда новые фонари нарушают работу городских чар, Эйре приходится признать собственную ошибку. А вскоре устройство из отозванной партии находят после нападения на склад. Чтобы вернуть на улицы безопасный свет, ей нужно разобраться в чужом обмане. Дарен готов помочь — но довериться ему оказывается труднее, чем отыскать изъян в знакомом приборе.

Первая книга трилогии «Пока горят фонари».

Содержание

Глава 1. Заявка на двенадцать огней 4
Глава 2. Земля помнит огонь 23
Глава 3. Цена света 41
Глава 4. Лепестки из Ордаля 58
Глава 5. Место для второго верстака 73
Глава 6. Подпись под условием 85
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Марта Ровенская
Пока горят фонари

Глава 1. Заявка на двенадцать огней

Я держала стеклянную корону обеими руками, пока Нилан вытаскивал из-под неё заевшую кассету. Нижняя скоба поддалась с неприятным хрустом. По большому пальцу прошла боль, и я чуть не выпустила лепестки.

— Стой. Дай мне перехватить.

Нилан замер с отвёрткой. Восьмилепестковая корона была последней, которую мы ещё не успели ни расколоть, ни перешлифовать. На её изготовление ушло столько вечеров, что я знала на ощупь каждый край, в том числе этот, плохо снятый, которым теперь порезалась. Я опустила стекло на сложенную ткань, прижала палец к губам и только тогда посмотрела на крепление.

Кожа под скобой разбухла. Мы оставили фонарь под дождём всего на одну ночь.

— Придётся выносить уплотнение, — сказал Нилан.

Я уже сама это увидела, но всё равно наклонилась ближе. Мне хотелось, чтобы дело оказалось в чём-нибудь другом: в

плохо подогнанной полосе, в стружке, которую можно убрать за минуту. При выносе уплотнения придётся менять защёлку, а Нилан только вчера закончил чистовую оправу.

— Да. Разбирай.

Он положил отвёртку и провёл пальцем по ровному шву. Ему было жалко работы. Я могла бы сказать, что зато мы нашли недостаток до установки, но сейчас это прозвучало бы слишком легко от человека, которому не нужно снова пилить эту скобу.

— Старую оставь, — попросила я. — Сравним, когда переделаешь.

Наверху застучал молоток. На соседнем доме чинили крышу; от каждого удара лепестки негромко звенели о подставку. Я убрала корону подальше от стены.

— Мастер Вейл, посмотрите.

Тесса Меррит стояла с раскрытой тетрадью. Она придерживала нужную страницу ладонью, хотя в мастерской не было сквозняка.

— Семь делений вчера, — сказала она. — Я вам сказала восемь, но посмотрела предыдущий день.

У отметки остался белый след её пальца. Тесса пользовалась мелом, когда проверяла положение стекла, и вечно забывала вытирать руки перед записью. Я забрала тетрадь, сравнила две строки. После двух пасмурных дней семь делений были хорошим результатом. Очень хорошим, если нам удастся его повторить.

— Здесь исправь. Чтобы старую цифру было видно.

Тесса взяла карандаш, но не отошла.

— А с почти пустым зерном когда будем пробовать?

Я взглянула на вскрытый корпус. На краю верстака лежали три обычных фонаря, принесённых на ремонт, у печи грелся клей, а на соседней полке ждал счёт за металл. Опытом мы занимались с утра, потому что позже нужно было взяться за оплаченные заказы.

— Сначала защёлка. Если накопитель нельзя снять мокрыми руками, его и так не примут.

— Я могу пока собрать…

— Тесса, не над открытым корпусом. Нилан сейчас всё засыплет стружкой.

Я сказала это резче, чем следовало. Она закрыла тетрадь. По тому, как тщательно выровняла края страниц, я поняла, что речь для неё шла уже не только об опыте.

— Я не отказываюсь, — добавила я. — Запиши отдельно. Чтобы не затерялось среди показаний.

— У меня уже записано.

Она развернула тетрадь обратно. На полях стоял маленький вопросительный знак, а под ним: «Остаток ниже четверти».

Я поставила рядом свою отметку.

Тесса работала у меня полтора года и всё ещё обращалась «мастер Вейл», даже когда мы вдвоём мыли после шлифовки поддон. Нилан Корвей довольно скоро научился говорить

«Эйра», но при ней тоже возвращался к полному обращению. Иногда мне казалось, что это прибавляет мне лет. В другие дни, особенно когда нечем было платить по очередному счёту, я держалась за него: раз меня зовут мастером, значит, я должна знать, что делать.

Мне было тридцать. Семь лет я ремонтировала городские светильники — сначала в чужой мастерской, потом в своей, — и почти всё это время слышала одну и ту же жалобу. Сам фонарь люди ещё могли купить. Платить за зарядную кассету снова и снова было труднее. На верхних улицах их меняли по расписанию; внизу берегли запас до последнего, а затем ходили с ручными лампами или вовсе в темноте.

Мой образец собирал дневную силу через стекло. Пока он стоял на стенде, у него хорошо получалось делать то, ради чего я его задумала. Но в стенде не было ветра, чужих рук и воды под скобой.

Стук в дверь я сначала приняла за молоток на крыше. Только когда Тесса обернулась, заметила за стеклом мокрый плащ.

Посыльный вошёл боком, прижимая к груди свёрнутый лист.

— Эйра Вейл?

Я вытерла здоровую руку о передник.

— Да.

— Из восстановительного управления. Вам отдельно велели занести. По зимнему заявлению.

Он отдал бумагу и начал застёгивать ворот. С рукава ему капало на пол. Тесса сняла с крючка кружку и спросила, не хочет ли он воды; он согласился так быстро, что она поспешила к кувшину.

Я тем временем рассматривала печать с тремя башнями. Зимой я сама отнесла в управление рисунок фонаря, образец стекла и просьбу об опытном участке. Потом ходила узнавать. Весной мне сказали, что нужно дождаться нового бюджета, летом — что сначала определят дорогу к рынку. Последний раз я вышла оттуда с решением больше не ходить.

Теперь в руках был ответ.

«Нижний переход. От пристаней через рынок к воротам лечебницы. Двенадцать световых приборов».

Я прочитала дальше, вернулась к началу. Подать смету требовалось за пять дней. Город давал участок для испытаний, требовал независимой проверки и оставлял за собой право расширить заказ после зимней эксплуатации.

Нилан уже стоял рядом. Я не слышала, как он подошёл.

— Нам дали?

— Нет. Принимают предложения.

— Но наши тоже?

Я посмотрела на него и наконец улыбнулась.

— Наши тоже.

Он выдохнул, будто всё это время держал воздух в груди. Мне захотелось обнять его — за разобранную скобу, за вчерашний поздний вечер, за то, что он спросил «нам». Вместо

этого я протянула ему лист.

Тесса читала через его плечо. Посыльный вернул кружку и ушёл, а мы ещё несколько минут стояли возле двери. Пока Нилан не спросил про срок, я позволяла себе представлять уже установленные фонари. Двенадцать. Не один образец на полке, который я показываю любому, кто согласится задержаться в мастерской, а настоящая улица.

— За пять дней смету успеем? — спросил он.

Я забрала объявление.

— Сегодня обойду участок. После обеда начнём считать.

— Там же старые столбы. Можно использовать?

— Посмотрю.

Я открыла шкаф и достала городскую карту. На ней остались пятна воска, которым её однажды залили во время ремонта. Нижний переход был обозначен двенадцатью аккуратными кружками. Летом я проходила там и помнила по меньшей мере два места, где крепить уже ничего не следовало.

Пока я собиралась, Тесса пересчитывала запасные лепестки. Два годились сразу, у остальных нужно было доводить края. Нилан вернулся к защёлке. Оба начали двигаться быстрее, и я тоже торопилась, застёгивая куртку мимо петли.

У двери Тесса остановила меня.

— Про малый запас я поставлю сегодняшнюю дату.

Я уже хотела ответить «да ставь», но оглянулась. Она стояла возле стола, положив ладонь на журнал. Двадцатилетняя

девушка, которая успела полюбить этот ещё не существующий заказ и всё-таки не хотела терять свой вопрос.

— Поставь, — сказала я. — Вечером вернусь к нему.

* * *

На Ремесленной было тесно от телег. Я протиснулась между дровами и навесом кожевника, придерживая под курткой карту. Из пекарни пахло тёплым тестом, и от этого сразу стало понятно, что я не завтракала. До пристаней можно было дойти быстрее через рынок; я выбрала этот путь ещё и ради пирожка, хотя призналась себе в этом уже у прилавка.

Возле доски объявлений женщина с двумя детьми попросила меня прочесть нижнюю строку городского листа. Сама она разбирала крупный заголовок, а дальше щурилась и сердито качала головой. Старший держал корзину пустых бутылок; младшая прижимала к боку деревянного коня с отломанной ногой.

Речь шла о выплатах погорельцам. Очередную отложили до уточнения списков.

— До какого числа?

Я посмотрела внимательнее.

— Числа здесь нет.

Она некоторое время молчала, потом велела старшему подхватить корзину другой рукой.

— Спасибо.

Я постояла возле доски, дочитала объявление целиком. Ничего полезного для неё в нём больше не было. Рядом се-

мья из Ордаля искала комнату с печью и предлагала работу в счёт части платы; выше звали каменщиков на пристани. Край листа отклеился, и я машинально прижала его ладонью, прежде чем идти дальше.

У печатной лавки раскладывали свежий «Эвернский листок». Я купила номер, потому что на первой полосе увидела заголовок о послевоенной комиссии. Представители Веллы и Ордаля снова приезжали обсуждать имущество, перевозки и компенсации. Статью подписал Леон Фальк. Я поискала в ней что-нибудь о нижнем переходе, не нашла и сложила газету вчетверо.

С пирожком в одной руке и картой в другой читать было неудобно. Я доела у стены, стряхнула крошки с куртки и пошла к реке.

Первые складские ворота блестели свежей краской. Над ними горели дневные знаки защиты; у въезда человек в хорошем суконном плаще проверял грузовые пломбы. Через два поворота крашеные фасады кончились. На бывшем свечном доме не было второго этажа, и дождь с его обрубленной стены стекал прямо на ступеньки. Длинные подпорки стояли снаружи так давно, что на одной вырезали отметки роста ребёнка.

После налёта прошло четыре года. Я помнила эту улицу чёрной, ещё без оград, с наспех расчищенной дорогой посередине. Теперь между повреждёнными домами продавали лук, сушили бельё и ставили к зиме вторые рамы. В нижнем

окне женщина переставляла горшки, чтобы не мешали человеку с доской. Мне пришлось отойти на мостовую, пропуская его, и вода сразу забралась через шов сапога.

Под навесом возле склада работал Бренн Холт.

Я знала его имя по ремонтным заказам, но раньше мы не встречались. Он удерживал железную полосу в зажиме и проверял её длинным угольником. Педаль была под правой ногой; левая рука заканчивалась ниже локтя, пустой рукав был подобран и закреплён. Я едва не поздоровалась в тот момент, когда он ослаблял зажим, и вовремя подождала. Полоса сместилась, он выровнял её краем ладони и снова нажал педаль.

— Господин Холт?

— Сейчас.

Он поставил на железе риску, убрал угольник и посмотрел на меня.

— Эйра Вейл. Мастерская светильников на Ремесленной.

— Знаю. Вы собирали прибор без сменной зарядной кассеты.

— Кассета сменная. Просто на обычный день ему должно хватать собственного сбора.

Бренн кивнул и потянулся к моей бумаге. Я передала объявление. Он читал медленно, прищурившись; под навесом было темнее, чем на улице.

— Корпуса хотите заказать?

— Если получу работу. Сегодня нужно понять, на что их

крепить.

— Пойдёмте. Только я до полудня занят, долго ходить не смогу.

Он накрыл рабочую полосу, велел двоим молодым работникам проверить диагональную подпорку на раме и вышел из-под навеса. На неровных камнях немного прихрамывал. Я замедлила шаг, но он показал на ближайший столб:

— Начните с этого. По бумаге он цел.

На моей карте столб действительно значился исправным. Вблизи же трещина шла от металлического обруча почти до основания. Я присела и провела ножом по шву. На лезвии остался мокрый рыхлый песок.

— Подмыло?

— В прошлую весну. Теперь наклоняется.

Я убрала нож. Медная вязь от обруча уходила к складским воротам, хотя на карте столб стоял отдельно.

— А связь когда сделали?

— В налёт. Старую защиту выбило, соединили с соседней. Потом меняли верхушку, саму вязь оставили.

Вторая новая строка рядом с первым кружком. Я мысленно вычла одну готовую опору из своих расчётов.

За столбом начиналась дорога к лечебнице. С другого её конца виднелась старая лампа над воротами, но до неё нужно было пройти между глухой складской стеной и пустым двором. Утром здесь было достаточно света. Я попробовала представить этот же путь вечером, с водой в выбоинах, и

подняла голову к стене напротив.

— Там можно закрепиться?

— Наследники спорят. Мать погибла, оба сына считают двор своим. Без разрешения не пойдёт.

— Тогда рядом отдельное основание.

Бренн посмотрел на мокрый камень.

— Возможно. Сначала вскроют землю. Там погреба.

Я отметила место вопросом.

Нам пришлось несколько раз останавливаться и пропускать тачки. Одну катила девушка в косынке, с длинной мокрой косой на плече. Кусок кирпича свалился прямо у моих ног. Я подняла его и положила обратно.

— Вы из управления? — спросила она.

— Нет. По свету.

— Тогда возле нашей двери поставьте.

Она показала за спину, туда, где в тёмном проёме белела новая рама.

— Мама ночью в лечебницу ходит. Она осенью уже два раза тут упала.

Я посмотрела от её двери на будущую опору. Угол был неудобный; если повернуть фонарь к дому, у стены останется полоса темноты.

— Попробую сдвинуть ближе.

Девушка кивнула без особого доверия и повезла кирпич дальше. Я опустила глаза на карту. До этого каждое осложнение казалось мне помехой заказу. Теперь я прикидывала,

как осветить дверь, о которой в объявлении не было ни слова.

— Выше поднимете — до угла достанет, — сказал Бренн. — Но консоль длиннее нужна.

Я нарисовала её сбоку, на полях.

Когда мы вернулись к треснувшему столбу, возле него стоял мужчина с плоской пластиной в руке. Держал её чуть в стороне от медной вязи и смотрел на тусклую полосу у края. Мы остановились; он поднял свободную ладонь, прося подождать.

Бренн молчал. Я тоже.

Вода стекала с края чужого плаща на камень. У манжеты виднелась аккуратная штопка, нитка была немного светлее ткани. Мужчина перевёл пластину в другое положение, дождался, пока полоса перестанет дрожать, и только тогда обернулся.

— Бренн. Вы по основаниям?

— Вместе с мастером Вейл. Собирается на нижнем переходе свой свет ставить.

Мужчина убрал пластину в футляр.

— Дарен Арвент. Испытательная служба.

Я переложила карту и протянула руку. Порезанный палец отозвался, когда он сомкнул ладонь, и он сразу ослабил пожатие.

— Ушиблись?

— Стекло.

— Простите.

Он отпустил руку, не разглядывая её, и я вдруг заметила, что всё ещё держу пальцы согнутыми. Разогнула, спрятала в карман. До этой минуты я чувствовала только холодную воду в сапоге и необходимость успеть обратно; теперь ещё и его ладонь, тёплую, с жёсткой кожей у основания пальцев.

— Условия принесли? — спросил Дарен.

Я отдала объявление. Пока он читал, рассмотрела его лицо: короткие тёмные волосы, чуть впалые щёки, глубокая складка между бровями. Мне хотелось угадать, окажется ли он из тех испытателей, которые отказывают прежде, чем посмотрят чертёж. На его лице ничего удобного для такой догадки не было.

— Сколько приборов предполагаете ставить на старых опорах?

— До осмотра думала десять. Теперь меньше.

— Эту исключили?

— Да.

— А временные связи?

Он указал на медную вязь.

— Нашла. На карте её нет, — ответила я. — Уточню, куда идёт.

— Не только у владельца склада. Дежурный по защите должен знать, что здесь ещё подключено. Вчера ворота дали ложный сигнал.

Я посмотрела на футляр.

— Утечка?

— Пока не установил. Я измерил нынешний расход. Что было вчера, нужно разбирать отдельно.

Это прозвучало так буднично, что я не сразу ответила. Обычно мне успевали объяснить, чьи руки виноваты, ещё до первого показания.

— Могу заложить отдельную стойку, — сказала я. — Если грунт позволит.

— Стойка сама по себе ничего не меняет, если связь останется общей.

Я почувствовала, как хочется немедленно развернуть схему и показать, что это мне известно. Но схема лежала в мастерской, а я стояла перед ним с картой, на которой не было даже видимой медной линии.

— Я собиралась проверить подключения.

— Тогда укажите это в заявке. Здесь после налёта несколько раз меняли рисунок.

— Вы можете дать ваши обмеры?

— Те, которые уже внесены в управление. Остальные уточняю.

— Мне нужны и не внесённые.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Я не дам вам незавершённую проверку как готовую.

— Я и не прошу готовую. Хочу знать, какие места ещё смотреть.

Несколько мгновений он молчал. Потом вернул объявле-

ние.

— Отмечу отдельно.

У Бренна за спиной кто-то окликнул его из-под навеса. Он поднял руку, показывая, что слышит, и повернулся ко мне:

— До лечебницы ещё успеем. Дальше я вернусь.

Я кивнула. Дарен уже собирался снова достать пластину, когда спросил:

— На низком остатке ваш образец проверяли?

Тессина тетрадь сразу встала перед глазами.

— Начинаем серию.

Я могла сказать «проверяем разные режимы». Это звучало бы увереннее. Но он спросил вполне определённо, и после того, как отказался выдавать недоделанные обмеры за готовые, отвечать ему общими словами не хотелось.

— Приём и освещение разделены?

— У них общий удерживающий рисунок. Так меньше потерь при слабом дневном сборе.

— Принесите его на рассмотрение.

— Принесу.

Я ждала следующего вопроса. Дарен посмотрел на мою карту, ещё раз на треснувший столб и отступил к воротам.

— До встречи, мастер Вейл.

Сторож что-то говорил ему, размахивая связкой ключей. Дарен слушал, придерживая открытый футляр под плащом. Он не смотрел нам вслед. Я заметила это уже после того, как сама оглянулась, и рассердилась — не на него, а на собствен-

ное ненужное любопытство.

Бренн показывал следующий участок стены. Я попросила повторить размер.

* * *

К лечебнице мы дошли под усилившимся дождём. Я перемерила поворот, а Бренн предложил поднять одно крепление выше, чтобы свет доставал до боковой двери. На обратном пути зашла ещё в два двора. В одном мне разрешили смотреть стену, но просили не сверлить возле водостока; в другом сначала хотели знать, кто станет оплачивать разбитую штукатурку.

Карта размокла по краям. Я убрала её под куртку и записывала уже на обороте объявления.

У навеса Бренн задержался, прежде чем вернуться к работе.

— Корпуса я возьму, если получите заказ. Металл нужно оплатить заранее. И срок сразу обсуждайте со мной, не обещайте за меня.

— Хорошо. Завтра зайду с размерами.

— Завтра здесь основание вскрывают. Лучше с утра.

Он ушёл к своей недоделанной полосе, и я впервые за несколько часов осталась одна. Холодный сапог натёр пятку. В животе опять было пусто. Я могла бы вернуться наверх и рассказать ученикам только о двенадцати найденных местах; мне очень хотелось принести им хорошие новости.

Вместо этого я остановилась под пустующим навесом, по-

ка не забыла, и подписала возле первой отметки: «Новое основание либо перенос. Старая вязь — осмотр».

Такой заказ всё ещё был нам нужен. Просто я начинала понимать, сколько он потребует.

В мастерской уже перестали звенеть стёкла. Крышу закончили, и без молотков слышно было, как Нилан проводит напильником по скобе. Тесса сверяла запасные лепестки. Она подняла голову, посмотрела на мои сапоги и молча подвинула табурет к печи.

Я села, сняла мокрую обувь. Только теперь почувствовала, как устала спина. Тесса поставила на стол кружку, Нилан обернулся с инструментом в руке.

— Двенадцать можно? — спросил он.

— Можно искать места для двенадцати. На двух старых опорах не выйдет. С одной ещё разбираются.

Я расстелила карту. Они пододвинулись ближе, и пришлось рассказать всё: про наследников, про двор, про девушку с кирпичами, про цену отдельного основания, которую я ещё не знала.

На имени Дарена Тесса подняла глаза.

— Арвент будет смотреть?

— Он сейчас проверяет защиту на переходе.

— Когда вы ему схему покажете?

— На рассмотрении. Сначала сами закончим.

Я услышала в своём голосе слишком старательную деловитость, но ученики ничего не заметили. Нилан уже приме-

рял крепление к одной из моих отметок.

Когда карта была разобрана, Тесса положила поверх неё свой лист. Отдельной строкой стояло: «Остаток ниже четверти. Совместная работа с городской опорой — не проверена».

Я прочла и подвинула лист к себе.

— Завтра начнём с малого запаса. Пока на отдельном стенде. Для соседней нагрузки понадобится другой контур.

— Я могу подготовить.

— Утром посмотрим вместе.

Она кивнула. Я хотела ещё сказать, что испытатель спросил о том же, но остановилась. Её вопрос стоял здесь до знакомства с ним.

Нилан показал новую защёлку — пока незавершённую. Я помогла ему вытереть и убрать инструмент, потом заставила обоих идти домой. Они задерживались у двери, оглядываясь на объявление, и мне пришлось самой снять его со стола.

После их ухода я пересчитала исправные лепестки. За окном зажёгся обычный городской фонарь: ровный жёлтый свет упал на пустой поддон. Утром в него принесут новую кассету, а к следующему утру — ещё одну. У меня на полке стоял образец, который должен был обходиться дешевле.

Я закрыла на нём крышку. Под ней что-то тихо щёлкнуло; новая скоба всё ещё не была подогнана.

Бумаги на столе пахли сыростью. Я подложила под карту сухую ткань, положила сверху линейку, чтобы края не скрутились, и раскрыла книгу расходов. До срока оставалось пять

дней. Первую сумму я записала, не снимая с плеч куртки, потом всё-таки встала, добавила в печь полено и вернулась к столу.

Глава 2. Земля помнит огонь

Утром сапоги были ещё влажными. Я набила их тряпками на ночь, но кожа возле пятки не просохла, и пришлось надеть старую пару, в которой было неудобно подниматься по лестнице. По дороге в мастерскую я всё время чувствовала ногой отставшую подмётку.

Тесса пришла почти сразу за мной. В руках у неё была булка, завёрнутая в полотенце; она собиралась есть на ходу, но, увидев свет в окне, решила, что уже опоздала.

— Рано ещё, — сказала я. — Садись.

Я поставила чайник и начала освобождать стенд. С вечера под ним осталась жестяная чашка. Я задела её ногой, и вода растеклась по доскам — немного, но ровно туда, куда я только что поставила сухой футляр.

Тесса встала за тряпкой.

— Ешь, я сама.

Мне не хотелось, чтобы обещанная совместная работа опять началась с того, что она убирает за мной. Я вытерла пол, подняла футляр на табурет и села рядом с ней. Пока чайник нагревался, мы перечитали вчерашние записи.

— Если снизить запас сейчас, увидим только дневной режим, — сказала Тесса.

— С него и начнём.

Она отложила недоеденную булку. Я подала ей маленькую

контрольную пластину и попросила снижать заряд медленно, по одной отметке. Сама следила за рабочим рисунком. На последней четверти свет стал слабее, отклик запаздывал, но ничего похожего на срыв я не увидела.

Тесса записала показания. На чистом месте листа она оставила достаточно пространства для продолжения — на этот раз опыт явно не собиралась отдавать мне целиком.

— А если рядом поставить другую нагрузку?

— Учебную можно собрать.

— Я сделаю похожую на печать.

— На какую?

Она задумалась.

— На воротную. По учебной схеме.

Я кивнула. Такая схема была у нас в папке, ещё с её занятий. Она покажет реакцию на соседний расход, но не воспроизведёт старые военные соединения. Я объяснила это, а Тесса дописала ограничение под результатами без моего напоминания.

Чайник начал шуметь. Я сняла его, и в этот момент вошёл Нилан с охапкой стальных полос. Дверь пришлось придержать бедром; на последней ступеньке одна полоса соскользнула, ударилась о косяк, и он сердито выругался себе под нос.

— От Бренна, — сказал он, укладывая железо на верстак. — Для ваших креплений. Он велел сегодня прийти: у старого столба землю вскрывают.

— Во сколько?

— Смотритель уже идёт.

Я посмотрела на стенд, потом на чай. Думала утром спокойно закончить первый опыт, а к пристаням отправиться позже.

— Цену узнал?

— Сказал, с вами поговорит.

— Нилан, нужно было…

— Я спросил. Дважды.

Он говорил без вызова, но лицо у него стало неподвижным. Я осеклась. Он действительно принёс всё, что ему поручили, а я успела выговорить ему, даже не сняв полосы с края стола.

— Хорошо. Я уточню.

Нилан поправил железо. Одну полосу отложил отдельно: на ней у края темнела трещинка. Сразу заметил, пока нёс.

Я допила чай и взяла тяжёлый футляр. Вчера мне хватило ножа и циркуля; сегодня понадобились отвес, уровень, щуп и сухие перчатки. Тесса осталась собирать учебную нагрузку. Перед уходом я села с ней ещё на несколько минут, посмотрела, что она собирается соединять, и попросила сохранить схему рядом с показаниями.

— Дневной режим, отдельный стенд, — повторила она.

— Да. На городскую опору ничего не выводим.

Она не ответила привычным «я знаю», хотя, наверное, хотела. Я это оценила и только у двери вспомнила, что забыла взять её недоеденную булку со стола. Та лежала слишком

близко к открытой коробке со стружкой.

— Тесса, убери еду на полку.

Она подняла на меня глаза. Я виновато развела свободной рукой. Сегодня я опять уходила, а совместная работа оставалась ей.

* * *

Смотрителя я догнала у рынка. Перед ним трое рабочих несли длинную деревянную раму для ограждения. На плечо одного упирался торчащий гвоздь; он всё пытался повернуть раму удобнее и ругался с человеком на другом конце.

— Арлен Каст, — представился смотритель, когда я назвала себя и объяснила, куда иду. — Под ограждение без меня не заходите.

Он сказал это вместо приветствия и только потом посмотрел на мой футляр.

— Обмерять будете?

— Хочу понять, куда ставить фонарь.

— Тогда хорошо, что пришли сегодня.

По дороге он рассказал о погребе. После разбора старого завала обнаружилось, что уличный столб опирается на край стены, а под ней пустота. Перекрытие прогорело ещё в налёт; сверху остались плиты и слой земли, поэтому долго никто ничего не замечал. Теперь вода понемногу уносила песок, и основание двигалось.

Я вспомнила вчерашний нож, на котором осталась мокрая крошка. Очень хотелось решить, что я распознала бы всю

опасность сама, если бы посмотрела внимательнее. Но снаружи не было видно ни стены погреба, ни того, что под ней.

— В описи этот участок за каким домом? — спросила я.

— За пекарней. Дом разрушен, подземная часть не переобмерена.

— Четыре года?

Он повернулся ко мне.

— Я на этом участке с весны.

— Я не вас…

— Понимаю.

Он прибавил шаг, помогая рабочим обойти телегу. Я придержала папку, которую он сунул под мышку, пока освобождал зацепившийся край рамы. Когда вернула, он поблагодарил уже совсем другим голосом.

Возле столба нас ждали Бренн и женщина в сером переднике. Она держала маленького сына за пояс. Мальчик вытягивал шею, пытаясь заглянуть за временную верёвку.

— Через двор не повезёте, — сказала женщина Арлену. — Я сразу говорю.

— Мы со стороны улицы.

— В прошлый раз тоже так начинали. Потом весь камень через сарай таскали.

Бренн назвал её Иллен Серр. Я представилась и поставила футляр на сухой кусок доски. Иллен посмотрела сначала на меня, затем на инструмент.

— Вы тоже что-то ломать?

— По фонарям. Мне нужно выбрать крепление.

— На нашем доме не надо. У меня после каждого такого крепления вода под полом.

Она не повышала голоса. От этого её слова звучали упрямее. Я представила, как стану убеждать её в пользе света, и заранее услышала ответ: польза будет улице, а мокрый пол останется ей.

— Покажете, откуда затекает?

Иллен повела меня к стене, не выпуская сына. Водяная полоса начиналась у выбоины на дороге, тянулась вдоль кладки и исчезала возле старой лестницы в погреб. Нижнюю доску у двери заменили недавно; на ней уже вздулось тёмное пятно.

— Мы крышу сделали, печь переложили, — сказала она. — Теперь вот это. Я не могу каждый год снова пол поднимать.

Арлен присел у лестницы и сделал пометку. Бренн поднял край доски, которую положили поперёк желоба. Под ней скопились песок и мелкие обломки.

— Сегодня прочистят, — сказал смотритель. — Но сток нужно смотреть дальше, до поворота. Одной доской тут не обойдётся.

Иллен убрала руку с пояса мальчика, взяла его за ладонь и отошла. Я заметила на втором этаже зелень в глиняной миске. После её слов дом казался особенно жилым: с вымытым окном, тяжёлой мокрой занавеской и полом, который чело-

век уже чинил столько раз, что не желал пускать к нему никого из нас.

У ямы рабочие сняли ещё две плиты. Открылась чёрная балка с неровным краем. Бренн опустил к ней длинную линейку; другой конец придерживал молодой работник. Я стояла рядом с Арленом и подавала ему щуп.

Здесь всё было хуже, чем в моих вчерашних заметках. Новую стойку нельзя было поставить просто в двух шагах от старой: она пришлась бы на то же перекрытие. Пришлось отойти от ограждения и заново представить, где пойдёт свет.

— Отдельное основание сколько будет стоить? — спросила я.

Бренн посмотрел на разметку.

— Восемнадцать марок. С железом и песком. Если воду откачивать — ещё четыре.

Я записала восемнадцать, оставив место справа.

— Срок?

— Четыре дня после разрешения. Если материалы на месте.

В объявлении говорилось об использовании существующих опор. Я знала, что ниже есть условие их проверки, и всё равно достала лист: хотелось найти что-нибудь, что позволит отнести эти восемнадцать марок к чужим расходам.

Арлен не заглядывал мне через плечо. Ждал, пока дочитаю.

— Заключение приложу, — сказала я наконец. — Что ста-

рая непригодна.

— Сегодня дам.

Он повернулся к рабочим. Я осталась с листом в руках и неприятным ощущением, что пыталась спорить с ним о цене погреба, которого он не строил.

Мальчик Иллен подошёл к ограждению вместе с матерью.

— Там кто-то жил?

— Зерно держали, — ответил Арлен. — Когда пекарня была.

— В пожар сюда воду носили, — сказала Иллен. — В бочках. Мой муж тоже ходил.

Она посмотрела в яму и повела сына к дому. Ни Бренн, ни смотритель не стали её расспрашивать.

В триста восьмом мне было двадцать шесть. Я ещё работала у другого мастера. После налёта нам привозили коробки с защитами — чёрные от сажи, со спёкшимися крышками, иногда с налипшей тканью. Мы мыли их в тёплой воде, которую приходилось подогревать снова и снова. Руки тогда всё время были красными. На третью ночь я уснула сидя, а проснулась оттого, что хозяин снимал с моих пальцев кусок стекла: я так и не выпустила его, когда опустила голову на стол.

Сейчас во дворе пахло тем же мокрым горелым деревом. Рабочий повернул балку, и запах стал сильнее.

Я убрала объявление.

— За воротами есть остаток стены. Давайте там посмот-

рим.

* * *

Вчера переулок перекрывала телега, и я видела каменную стенку только издали. Теперь к ней можно было подойти. Она оказалась выше, чем я помнила, с хорошей кладкой внизу и разошедшимся швом у дороги. Бренн постучал молотком по двум камням, затем позвал Арлена.

Мы проверили ширину стены, положение старого основания и место, куда ляжет нагрузка. Я держала уровень, Бренн прикидывал консоль. Если поднять фонарь и вынести его вперёд, свет доставал почти до поворота; тяжёлой стойки посреди улицы не требовалось.

Арлен остановил нас, прежде чем мы увлеклись.

— Чья кладка?

Он достал второй план. Один участок после выплаты компенсации перешёл городу, другой оставался наследникам погибшей хозяйки. Граница проходила по стене, и моё первое крепление попадало как раз за неё.

Я передвинула отметку.

— А здесь?

— Здесь можно рассматривать. После укрепления шва.

Бренн приложил линейку ещё раз.

— Тогда длиннее. Шесть марок вместе с работой. Укрепление отдельно.

Шесть вместо восемнадцати. Я не стала вычёркивать прежнюю сумму: ещё требовалось узнать цену кладки. Но

впервые за утро мне захотелось не закрыть книгу расходов, а скорее до неё добраться.

Мальчик Иллен наблюдал из дверей. Когда я присела поставить футляр на землю, он подошёл поближе.

— Оно всю ночь гореть будет?

— Мы для этого делаем.

— А мама потом сама сможет?

— Что сможет?

— Ходить. Без меня.

Я посмотрела на его маленькие сапоги. На одном развязалась тесьма, он прижимал её носком другого, чтобы не наступить.

— Дорогу будет видно, — сказала я. — Если приборы пройдут проверку.

Он кивнул, словно именно про проверку и спрашивал, и пошёл к матери. Я ещё раз повернула рисунок света к их двери. Не хотелось, чтобы мальчик счёл мои слова обещанием, которое я уже могу выполнить. Ещё меньше хотелось оставить ему только осторожную оговорку.

Со стороны складских ворот коротко вспыхнуло серебристое. Я подняла голову.

Дарен стоял у открытой защитной коробки. Сторож ждал по другую сторону меловой линии. Испытатель держал небольшое зерно в плоской оправе; свет от него лёг на воротную печать, та на мгновение стала видимой и погасла. Дарен посмотрел на показание, закрыл оправу и сделал запись.

Я поймала себя на том, что слежу за его руками. Вчера почти не успела их рассмотреть, только почувствовала пожатие. Сейчас было хорошо видно, как он поворачивает оправу, придерживает крышку двумя пальцами, потом освобождает руку для карандаша. Никакой торопливости, хотя за спиной ждал сторож.

Бренн окликнул его. Я поспешно посмотрела в свой план.

Дарен подошёл, убрав зерно в закрытый держатель.

— Нашли место?

Арлен показал новую отметку и объяснил, что требуется сделать со швом. Я разложила карту на каменной тумбе. Дарен встал с другой стороны; ветер поднимал край листа, и он прижал его ладонью, прежде чем я успела достать линейку.

— Связь здесь куда пойдёт?

— Пока провела до складского узла.

— Через старую ветвь?

Я уже знала, что последует дальше.

— Это направление на бумаге, — сказала я. — Подключать я ещё ничего не собираюсь.

Он поднял глаза.

— Я спросил про ветвь.

— Она не обследована. Я отметила.

Пальцем я показала маленький крестик у линии. Он был плохо виден на мокром сгибе.

— Вижу.

Дарен отступил от карты. Мне стало жарко под воротом.

Я ждала, что он станет разбирать каждую мою ошибку, и отвечала заранее, не давая ему закончить.

Бренн отошёл к рабочим. Арлен склонился над своими записями, и мы на несколько мгновений остались вдвоём у тумбы.

— Утром начали малый запас, — сказала я уже ровнее. — На отдельном стенде. Тесса собирает учебную нагрузку по воротной схеме.

— В переходе к вечернему режиму?

— Пока при дневном свете. Вечерний ещё не смотрели.

Он кивнул.

— У меня будут обмеры вчерашнего узла. Могу занести и посмотреть стенд, если вам подходит.

Я хотела согласиться сразу, но всё ещё помнила свой резкий ответ.

— Это уже проверка мастерской?

— Нет. Схема к заявке. До испытательного допуска ещё далеко.

— Тогда завтра после полудня.

— Хорошо.

Он достал маленькую записную книжку, занёс адрес. Я видела на полях несколько имён, но не стала читать. У его большого пальца была свежая чёрная полоса.

— Вы обожглись?

Он посмотрел на ладонь.

— Копоть. Крышка грязная.

Провёл по коже платком, показал мне чистое место. Я кивнула и вдруг не знала, куда деть глаза: вопрос был совсем обычный, а мне казалось, что я выдала им больше, чем собиралась.

Дарен убрал платок.

— Спасибо.

Он сказал это просто, не улыбаясь. Потом вернулся к воротам. Я смотрела, как сторож берёт у него ключи, как оба ждут, пока с дороги уберут телегу, и понемногу переставала сердиться.

Арлен попросил подписать акт осмотра. Я прочла его от начала до конца: старое основание непригодно, стена допустима после укрепления, действующая защита не должна пострадать при монтаже.

Последнее я перечитала дважды. Потом расписалась.

* * *

На обратном пути ремень футляра врезался в плечо. Арлен дал мне на вечер папку с разрезами, и я никак не могла устроить её удобно: она мешала идти, выскальзывала из-под локтя и намокала по углам. У рынка я купила простую холщовую сумку. Документы наконец поместились целиком, но потраченные медяки я всё равно мысленно прибавила к сегодняшним расходам.

В мастерской пахло клеем. Тесса успела не только собрать учебный контур, но и зарисовать его так аккуратно, что я сначала решила, будто она взяла готовый лист из папки.

— Сколько остатка?

— Одна восьмая. Смотрели после полудня.

— И?

— Чужой запас не меняется. Но здесь нет общей опоры. И дневной режим.

Она сказала последние слова быстро, раньше, чем я успела спросить. Я сняла куртку, вымыла руки и подошла к стенду.

Тесса показала весь опыт. Я попросила повторить одно измерение, потом другое. Всё совпало. Хотелось взять этот спокойный результат и понести в управление вместе с заявкой: вот, работает. Вместо этого я оставила в листе её оговорки.

— Завтра посмотрит Арвент. Обсудим переход в вечерний режим.

Тесса наклонилась над своим чертежом, поправила линию.

— Тогда я ещё перепишу пояснения.

— Эти читаются.

— Я хочу, чтобы были рядом с рисунком.

Я не стала возражать. Нилан тем временем принёс защёлку и поставил передо мной два корпуса.

На одном уплотнение шло изнутри, на другом выступало наружу. Новый вариант выглядел грубее, но открывался без усилия. Нилан смочил пальцы, повторил ещё раз и отодвинул оба прибора, чтобы я попробовала сама.

— Работает, — сказала я.

— Видите? Вода теперь не собирается под скобой.

Он говорил чуть громче обычного. Я поняла, что ему важно, чтобы я не просто разрешила оставить его решение, а посмотрела, как оно устроено.

Я нагнулась, открыла защёлку снова. Наружная полоска была подрезана неровно.

— Край ещё можно довести.

— Можно.

— А уплотнение оставим так.

Он взял прибор, уже спокойнее. Я не стала объяснять ему, что удобство важнее красоты. Он сам переделал красивую вещь, чтобы ею можно было пользоваться.

Потом мы втроём разбирали карту. Тесса переносила отметки на чистый лист, Нилан проверял, как расположить нижнюю скобу длинной консоли. Когда я рассказала про яму, он отложил линейку и спросил, насколько велика пустота.

— Под сам столб уходит.

— И люди мимо ходили?

— Ходили. Сегодня огородили.

Он некоторое время смотрел на обозначение двора. Я вспомнила мальчика с развязанным сапогом, но рассказывать о нём не стала. Показала вместо этого, куда хотела повернуть свет.

К вечеру карта была готова настолько, насколько могла

быть готова за два дня. Некоторые места всё ещё требовали проверки. Я обвела их отдельно, чтобы не потерялись среди мелких подписей, и убрала мокрый оригинал под пресс.

Тесса осталась у стола, когда Нилан пошёл мыть руки.

— Можно спросить?

Я села. После этих слов она никогда не спрашивала ничего простого.

— Конечно.

Она положила рядом свою схему и чистую тетрадь.

— Если я сама собираю опыт и записываю результат, почему в журнале всё равно стоит только ваше имя?

— Потому что отвечаю за него я.

— Это я понимаю. Но кто сделал — нигде не видно.

Первой мыслью было сказать, что я никому не присваиваю её работу. Мы обе знали, кто собрал стенд. Нилан знал. Я всегда говорила заказчикам, когда Тесса что-нибудь делала сама.

Потом посмотрела на страницу. Под подробным рисунком действительно стояла только моя подпись.

— Ты про квалификацию думаешь?

Она кивнула.

— И про неё тоже.

До меня Тесса училась в учебной мастерской. Когда пришла, уже умела вести измерения и читать простые рисунки; я всё равно ещё долго давала ей только подготовительную работу, потому что так было быстрее и спокойнее мне. За

полтора года она стала делать гораздо больше, а привычка проверять за ней каждую мелочь осталась.

— Я не прошу разрешить мне всё одной, — сказала она. — Я хочу понимать, что мне ещё нужно.

Из умывальной донёсся плеск. Нилан не возвращался; возможно, слышал нас и давал договорить.

Я придвинула чистую тетрадь.

— Здесь будешь записывать опыты под своим именем. Схему, условия, результат. Я рядом отмечу проверку. В конце месяца сходим узнать, какие работы нужны для сдачи.

Тесса посмотрела на меня.

— В этом месяце?

— В этом.

— Даже если с заказом не получится?

Я не успела ответить сразу. До её вопроса сама думала, что всё новое начнётся после городского заказа: её квалификация, жалованье Нилана, нормальные выходные. И только сейчас услышала, сколько раз, должно быть, говорила им похожее.

— Да. Это от заказа не зависит.

Она открыла тетрадь. На первой странице написала полное имя, задержавшись перед фамилией, чтобы буквы не съехали к краю. Я встала убрать со стола лишний инструмент и оставила ей место.

Нилан вернулся, увидел запись и спросил, какую схему она вклеит первой. Тесса ответила, что сегодняшнюю. Они

начали обсуждать, как разместить показания, и мне впервые за день не понадобилось участвовать.

Когда мастерская опустела, я вернулась к смете. Восемнадцать марок зачеркнула, вписала шесть за консоль и оставила пустое место под укрепление шва. Ниже добавила два рабочих дня на проверку старых связей.

Сумма получалась больше, чем я хотела принести на рассмотрение. Я пересчитала её, проверила, не учла ли дважды один и тот же металл. Нет.

За окном давно стемнело. В печи догорали дрова, а дома меня ждали сырые сапоги и хлеб, купленный ещё вчера. Я закрыла книгу, но не сразу встала. Завтра придёт Дарен. Ему нужно будет показать стенд, карту и несовершенный, всё ещё слишком дорогой фонарь.

Я поймала себя на желании убрать со стола всё лишнее заранее. Потом всё-таки погасила лампу и пошла домой.

Глава 3. Цена света

У Нилана не сходилась последняя колонка. Он пересчитал её, повернул лист ко мне и молча указал на две одинаковые суммы.

Я второй раз включила крепёж в стоимость корпуса. Утром мне казалось, что смета наконец готова; теперь я взяла нож, соскоблила лишние цифры и подождала, пока подсохнет бумага.

— Шестьдесят четыре, — сказала я. — За один. Семьсот шестьдесят восемь за все.

Нилан сложил числа заново.

— А укрепление?

— Отдельно. Арлен дал заключение. Это городская стена, её нужно чинить и без нашего фонаря.

— Они так же считают?

Я открыла письмо фонда. В нём разрешали приложить отдельную ведомость аварийных работ. Оплатить их нам пока никто не обещал.

— Узнаем на рассмотрении.

Он оставил возле суммы пустую клетку. Смотрел на меня так, словно ждал, не потребую ли я заполнить её чем-нибудь приятным.

— А нам когда платить будут?

— Хочу просить половину после договора.

Нилан тут же записал триста восемьдесят четыре и начал вычитать. Металл, стекло, зерно, приёмные оправы. Я следила за карандашом. На материалы хватало. На жалованье за всё время изготовления — уже нет, если оставшиеся деньги город решит отдать только после установки.

— Мне нельзя опять до конца заказа ждать, — сказал он.

Я подняла глаза. Он держал карандаш над листом и не смотрел на меня.

— Я не предлагаю ждать.

— В прошлом месяце тоже не предлагали. Просто так получилось.

Два последних расчёта с ним действительно запоздали. На три дня, потом на пять. Я помнила, как извинилась и отдала деньги, но почему-то считала на этом вопрос закрытым. Для Нилана, который утром снова шёл ко мне работать, он, видимо, оставался открытым.

— Внесём второй платёж после стендовой приёмки, — сказала я. — До монтажа. И я посчитаю, сколько нужно оставить на жалованье сразу.

— Мне нужна дата, Эйра.

Теперь он посмотрел прямо. Так ему было труднее говорить; голос стал тише, и мне захотелось поскорее согласиться, чтобы он больше не стоял передо мной с этим лицом.

Я всё-таки раскрыла календарь. Мы отметили два ближайших расчётных дня. За первый деньги у меня уже были — от ремонтов, которые вчера наконец забрали. Следующий

зависел от того, возьмёмся ли мы за партию и получим ли аванс вовремя.

— Если договор задержится, серийную работу не начинаем, — сказала я. — Остаёмся на ремонтах. За сделанное я плачу в обычный день.

Нилан записал это на обороте своей ведомости. Я не стала говорить, что можно было просто поверить мне.

Тесса всё это время сидела у окна над пояснениями к стенду. Когда я подошла, она прикрыла ладонью начало листа.

— Я пока не закончила.

— Покажешь Дарену сама?

Она сразу убрала руку.

— Я думала, вы будете.

— Я тоже буду. Но собирала ты.

Тесса посмотрела на дверь, потом на установку. Вчера она хотела, чтобы её работа была видна. Сегодня, когда в мастерскую должен был прийти человек из испытательной службы, одного имени на обложке ей, кажется, хватило бы.

— Я могу запутаться.

— Тогда посмотрим в записи.

Она кивнула, но за утро ещё дважды спросила, во сколько он придёт.

* * *

Дарен появился после полудня, как обещал. Войдя, остановился возле двери с мокрым плащом в руке. На свободном крючке висел мой рабочий передник, а под остальными сто-

яли корпуса; я вдруг увидела нашу прихожую его глазами и принялась переставлять их слишком быстро.

— Сюда можно, — сказала Тесса, освободив место у печи.

Дарен поблагодарил её. Я вернула корпус на полку и пошла к стенду, стараясь не думать о том, что перед его приходом успела вытереть подоконник, но забыла про дверь.

Он принёс обмеры. Две линии на них были обведены красным, возле третьей стоял знак вопроса.

— Это не найденный конец ветви? — спросила я.

— Не подтверждённый. В ремонтной описи она заканчивается у склада. На месте рисунок идёт дальше, под кладку. Пока оставляем в перечне неизвестных.

Я перенесла пометку на свой лист. Дарен подождал, затем спросил, с чего мы хотим начать.

Тесса вышла из-за стола. Первые две фразы произнесла так быстро, что я едва разобрала конец, потом положила рядом тетрадь и стала показывать. Здесь источник дневного сбора, здесь накопительное зерно; учебная воротная печать питается отдельно. Между оправами нет общей проводящей основы. На восьмой доле запаса при дневном свете чужой расход не изменился.

— Повторяли? — спросил Дарен.

— Три раза. Последний мастер Вейл проверила.

Он наклонился над тетрадью.

— А эти две отметки почему разными чернилами?

Тесса побледнела.

— Я ошиблась, когда переписывала время. Здесь настоящее. Старую запись оставила.

— Хорошо. Покажите исходный лист.

Она подала его обеими руками. Дарен сравнил строки, вернул лист и попросил ещё раз включить нагрузку. Тесса сделала это уже без моей помощи. Нилан придержал кожух, пока она выводила указатель в нужное положение.

Я стояла возле окна. Мне очень хотелось пояснять за неё: почему мы выбрали именно такую оправу, чего не успели сделать утром, откуда взялось небольшое запаздывание. Вместо этого я смотрела на прибор. Только когда Дарен спросил об удерживающем штрихе, подошла ближе.

Приёмная часть и световой рисунок держались общим кольцом. Оно позволяло не расходовать дважды силу на поддержание формы. Без этого выигрыша на затенённой улице мы получали слишком мало: фонарь горел вечером, но к утру слабел раньше, чем мне хотелось.

— На отдельном зерне он устойчив, — сказала я. — Даже с почти пустым запасом.

— Сейчас — да. Вечерний переход смотрели?

Тесса подняла тетрадь.

— Сегодня можем повторить после заката. Но здесь всё равно не будет общей опоры.

Дарен кивнул ей и повернулся ко мне.

— Нужна проверка обоих условий вместе. Малый остаток, переход режима и смежная защита. На контрольном

дворе, с ограничением отдачи. Не на действующих воротах.

Я знала, что он прав. И всё равно первым делом подумала о сроке подачи: пять дней уже превращались в три, а он называл работу, для которой требовались чужой двор, люди и разрешение.

— Без этого заявку не примут?

— Заявку примут. Разрешение на эксплуатацию — нет. В программе есть условное финансирование испытаний.

Я достала объявление. Дарен показал нужную строку. Утром я читала её, но представляла себе почти готовый заказ, к которому оставалось приложить несколько подписей. Теперь в той же строке обнаружилось место для отказа.

— Значит, в смете нужно оставить приёмку до монтажа, — сказала я.

— И время на исправления.

— Если они понадобятся.

Он посмотрел на меня.

— Если понадобятся.

Спорить было не о чем. Я взяла карандаш и вписала дополнительный срок, хотя от этой строки лист стал выглядеть хуже.

Дарен не задержался над моей сметой. Попросил Тессу показать крепление учебной печати, потом попробовал Нилановую защёлку мокрой перчаткой. Нилан сразу оказался рядом. С первой попытки крышка открылась, со второй тоже; на третьей Дарен остановился, потому что уплотнение завер-

нулось у края.

Нилан взял фонарь у него из рук.

— Здесь оставил слишком много. Подрежу.

— Покажете потом?

— Да.

Никакого торжественного одобрения не последовало. Нилан уже доставал нож. Я поняла, что ждала за него похвалы, словно одного короткого замечания могло хватить, чтобы перечеркнуть два дня работы.

Когда показ закончился, Тесса закрыла тетрадь и села. Дарен собрал свои инструменты. До следующего осмотра у него оставалось немного времени, и я спросила, выпьет ли он чаю.

— Выпью, если не задержу вас.

Он снял перчатки. Я поставила ещё одну чашку, налила слишком много и вытерла блюдце краем полотенца. Тесса ушла с Ниланом в заднюю комнату примерять новую полоску; в мастерской стало слышно, как дождь касается стекла.

Дарен обхватил чашку ладонями. На правой руке возле костяшки белел старый рубец. Я смотрела на него чуть дольше, чем следовало, и спросила первое, что пришло в голову:

— Вы давно в этой части города работаете?

— Третий год. До этого в южной службе.

— Там было лучше?

— Смотря с чем сравнивать. Жильё было ближе.

Он сделал глоток. Я могла бы спросить, где он живёт теперь, но внезапно решила, что это прозвучит слишком лич-

но. Взяла чашку, хотя чай был ещё горячим.

— Мне до мастерской десять минут, — сказала я. — Иногда думаю, что стоило поселиться дальше. Хоть уходила бы вовремя.

— А уходили бы?

Я покачала головой. Он чуть улыбнулся. Не так, как улыбаются удачному ответу; просто посмотрел на меня поверх чашки, и я почувствовала тепло, не связанное с печью.

Несколько мгновений мы молчали. Мне было приятно, что ему не понадобилось сразу заполнять паузу вопросом о рисунке. Я тоже ничего не спросила. Под столом намокшие носки неприятно прилипали к ногам, на пальце расходился край позавчерашнего пореза, а мне всё равно хотелось посидеть ещё.

Дарен допил чай и поднялся.

— Спасибо, Эйра.

Он впервые назвал меня по имени. Я ответила не сразу, потом проводила его до двери. Плащ успел немного просохнуть. Он расправил ворот, посмотрел на улицу и обернулся пожелать удачи на рассмотрении.

После его ухода я вымыла чашки. В задней комнате Нилан объяснял Тессе, почему нельзя тянуть полоску за самый конец. Я слышала слова и не разбирала их смысла, пока вода не перелилась через край тазика.

* * *

До последнего дня мы трижды переделывали заявку. На

четвёртый день я отнесла предварительный расчёт и узнала, что гарантийный срок нужно записать отдельно от срока обслуживания. На пятый вернулась с исправлением. Женщина в приёмной перелистала бумаги, сверила приложения и поставила номер.

Другой мастер ждал позади меня с плоским ящиком под мышкой. Из-под крышки торчал угол латунного светильника. Я невольно посмотрела на него, потом на собственную папку. Мой образец остался в мастерской; вдруг следовало принести? Женщина уже назвала следующего, и я отошла, сжимая расписку так крепко, что согнула угол.

Заседание назначили на следующий день, после закрытия приёма. К этому времени я знала нашу смету почти наизусть и всё равно проснулась раньше обычного. Надела чистую рубашку, потом сняла: ворот давил на шею. Выбрала другую, долго искала застёжку и вышла без завтрака, хотя с вечера оставила на столе хлеб.

В приёмной восстановительного фонда уже сидели люди. У окна женщина держала на коленях свёрнутый план печи; рядом мужчина в потёртой куртке разглаживал шапку. Я устроилась возле него и положила папку на край скамьи.

— По свету? — спросил он, увидев рисунок.

— Да.

— Я тоже. Только мне заказывать нечего. Мы с Мельничного спуска заявку принесли.

Он показал лист с подписями. Внизу осталось пустое ме-

сто: две семьи, по его словам, не стали расписываться, потому что решили, будто подпись обяжет их платить.

— А обяжет? — спросила я.

— Пока не говорят. У нас шесть дворов и за уголь должны. Если предложат самим собрать, так и уйдём с бумагой.

Я начала рассказывать про стоимость кассет, но он поднял руку.

— Это мы знаем. У нас светильник есть. Его нечем заправлять.

Я замолчала. Он снова сложил шапку и спросил уже о моём приборе: сколько стоит, хватит ли света зимой, можно ли поставить один, пока на остальные не собрали. На первые два вопроса я ответила с оговорками. На третий — что сначала надо проверить участок.

— Значит, не скоро.

— Не сразу, — сказала я.

Он кивнул, без обиды. Из соседней комнаты вышла Лисандра Весс и попросила всех пройти. Её имя стояло на письме об условиях платежа. Я представляла женщину старше; она оказалась ненамного старше меня, с собранными на затылке волосами и пятном чернил на запястье.

Сначала разбирали ремонтные заявки. Из-за задержки камня опять переносили работу у пристаней. Женщина с печным планом потребовала назвать день выплаты пособия. Лисандра объяснила, что заявка подтверждена, но очередного перевода в фонд пока нет.

— Я это слышала в прошлом месяце, — сказала женщина. — Вы мне напишите, когда опять приходить. Я с работы отпрашиваюсь.

Лисандра попросила секретаря дать ей отдельный лист. Пока она писала, я смотрела на свою строку аванса. До этой минуты триста восемьдесят четыре марки существовали для меня почти как деньги. Теперь я представила, как через месяц буду стоять здесь с тем же вопросом, а в мастерской Нилан будет ждать расчёта.

Мою папку вызвали после двух других предложений по освещению. Один поставщик предлагал обычные кассетные фонари, второй — обновление сохранившихся. Их цены были ниже моей. Я слушала, как обсуждают стоимость установки, и чувствовала всё более сильное желание объяснить свою сумму, прежде чем кто-нибудь назовёт её завышенной.

Когда подошла к столу, у меня пересохло во рту.

— Расскажите сначала про маршрут, — попросила Лисандра.

Я развернула карту. Она оказалась больше свободного места; пришлось подвинуть стакан с водой и сложить край. На рисунке все двенадцать точек помещались между рынком и лечебницей. Я показала поворот у разрушенной пекарни, затем боковую дверь, к которой нужно было вынести свет.

— Почему не оставить на этом отрезке существующие приборы? — спросил мужчина напротив.

— Можно оставить исправные. Но платить за ежедневные

кассеты всё равно придётся. В моём предложении дневной сбор должен покрывать обычный расход. Резерв на тёмную зимнюю погоду считается отдельно.

— Должен?

— Зимнюю работу на улице мы ещё не проверяли. В заявке приведены результаты стенда.

Сказав это, я почувствовала, что щёки нагреваются. Неужели нельзя было ответить увереннее? Мой прибор месяцами работал в мастерской, и сейчас от всей этой работы осталось одно осторожное слово.

Лисандра нашла нужный лист.

— Условия программы допускают опытное финансирование. Мастер Вейл именно его и просит. Цена — шестьдесят четыре марки за прибор?

— Да.

— Обслуживание — восемь в год, без зимнего резерва. Обычная кассетная модель — сорок пять, плюс примерно двадцать четыре ежегодно. За четыре года девяносто шесть против ста сорока одной, если ваши расчёты подтвердятся.

Я кивнула. Услышанные чужим голосом числа немного успокоили меня.

— Что входит в гарантию?

Мы прошли по условиям: изготовление, стекло, повреждения от чужих работ, замена неисправной кассеты. Потом спросили о старых опорах. Я передала заключение Арлена и обмеры Дарена, отдельно показав неизвестные ветви.

— Испытатель уже одобрил конструкцию?

— Он посмотрел схему и стенд. До допуска нужны контрольный двор и независимая приёмка. Здесь перечень проверок.

Мужчина у окна отодвинул лист.

— То есть заплатить мы должны раньше, чем узнаем, можно ли пользоваться?

— За изготовление опытной партии и испытания, — сказала я. — На улицу без допуска она не пойдёт.

— А переделки?

— Если недостаток в моей конструкции, за мой счёт.

Он некоторое время смотрел на меня. Я выдержала взгляд, хотя как раз теперь яснее всего представляла нашу кассу. Никакого отдельного запаса на большую переделку в ней не было.

Потом заговорил человек с Мельничного спуска. Он спросил, почему у лечебницы можно испытывать новое за городской счёт, а его улице предлагают самим найти деньги на старое. Я открыла рот и закрыла: ответить должна была не я.

Лисандра объяснила выбор маршрута. По нему вечером шли к лечебнице, на рынок, к пристаням; небольшой участок позволял наблюдать все приборы одной службой. В случае удачи условия расширения вынесут на новое рассмотрение.

— Нашу просьбу туда занесите, — сказал мужчина. — Сейчас. Мы уже приходили весной, а бумаги не нашли.

Секретарь принял лист с подписями. Мужчина просле-

дил, как ему присвоили номер, и только после этого сел.

Обсуждение моей сметы продолжалось. Мне предложили уменьшить цену на шесть марок с прибора. Я знала, что именно эта сумма делает строку красивой: меньше семисот за партию, легче объяснить расход. Достала подробный расчёт и показала, сколько останется после материалов, работы, испытаний и перевозки.

— Восемь марок с фонаря? — уточнила Лисандра.

— Если не будет дополнительных потерь. Девяносто шесть за всю партию.

— После снижения останется двадцать четыре.

— Да. На таких условиях я не возьмусь.

Последние слова дались труднее, чем все ответы о безопасности. Я боялась, что сейчас папку закроют. Мне хотелось забрать отказ обратно, предложить сэкономить на чём-нибудь ещё, лишь бы не вернуться в мастерскую без заказа.

Лисандра сверила две строки и передала лист дальше.

— Снижение не подтверждено сметой, — сказала она.

На этом вопрос закончился. Я ещё несколько минут сидела напряжённо, хотя речь уже шла о сроках платежей.

Условия записали поэтапно: половина после договора, четверть после стендовой приёмки, остаток после монтажа и установленного срока работы. Аварийную кладку выделили в городские ремонтные работы. Условное решение разрешало подготовку и испытания. Эксплуатация требовала отдельного акта.

Когда Лисандра объявила результат, я не сразу поверила, что всё. Поблагодарила, забрала свою копию и едва не оставила карту под стаканом.

Она догнала меня у двери.

— Договор подготовят к концу недели. День перечисления узнавайте после подписи. До поступления средств не обещайте его поставщикам.

— Хорошо.

Я уже хотела уйти, но спросила, сколько они обычно задерживают.

Лисандра посмотрела на лист у меня в руках.

— По этой программе пока платили в течение трёх рабочих дней. Я не могу обещать, что так будет всегда.

Я записала и это.

* * *

Тесса открыла дверь раньше, чем я успела постучать. Должно быть, увидела меня из окна. За её плечом Нилан поднялся от верстака.

— Согласовали, — сказала я.

Тесса засмеялась от облегчения и тут же закрыла рот ладонью. Я положила папку на стол. Мне хотелось произнести всё ещё раз, с самого начала, и я так и сделала: двенадцать приборов, шестьдесят четыре за каждый, договор к концу недели. Условный допуск. Городской двор.

Нилан взял лист с платежами. Прочёл и спросил, оставили ли второй перевод до монтажа.

— Оставили.

Он кивнул. Тесса стояла рядом со мной, улыбаясь так открыто, что я тоже наконец улыбнулась без оглядки на последнюю страницу условий.

Мы не сразу вернулись к столу. Нилан принёс хлеб из задней комнаты, Тесса нарезала сыр; я только тут поняла, как давно ничего не ела. Они хотели знать, кто возражал, задавали ли вопросы про опыт и что я ответила на предложение снизить цену. Рассказав, я снова ощутила пережитый страх. Но здесь, среди чашек и крошек, слова «не возьмусь» уже не казались угрозой всему, ради чего мы работали.

Позже Нилан составил список обязательств на ближайшую неделю. Без аванса заказывать всю партию нельзя. Завтра я пойду к Селин с образцами и предварительным расчётом; Бренну нужно подтвердить размеры и узнать, сколько времени он сможет держать металл. Мы отделили оплачиваемые пробы от будущего большого заказа. Тесса подписала вечерние показания своего стенда: всё ещё отдельная опора, всё ещё не полный перечень условий.

Когда они ушли, я поставила решение фонда на полку, чтобы не залить чаем. Хотела задержаться и переписать смету, но в дверном стекле уже отражалась только мастерская. За ним была темнота.

Я вымыла нож, собрала со стола хлеб. Чашку, из которой несколько дней назад пил Дарен, убрала вместе с остальными, не оставляя для неё особого места. Потом снова достала

свою куртку.

На улице было холодно. Я шла домой с папкой под мышкой и ловила себя на желании рассказать ещё кому-нибудь: нам дали участок. Не готовую улицу, не обещание, что всё выйдет, — работу, которой я добивалась с зимы.

У самого дома пришлось остановиться и поискать ключ. Он лежал на обычном месте. Я просто не могла сразу попасть им в замок: руки мёрзли, и я всё ещё улыбалась.

Глава 4. Лепестки из Ордаля

Селин я знала по двум небольшим заказам. Однажды она переделала для меня стекло, которое я считала испорченным, в другой раз отказалась браться за работу к назначенному сроку. Я тогда ушла сердитой, заказала в другом месте и получила лепестки на четыре дня позже, чем обещала бы она.

Теперь я несла ей восьмилепестковую корону, два чертежа и сумму, больше которой сегодня потратить не могла. Нилан записал её на узкой полоске и вложил прямо под крышку футляра. Я увидела записку, когда перед выходом проверяла укладку, и едва не вытащила. Оставила: он не знал, что вчера после заседания я сама несколько раз порывалась заказать всё сразу.

Стекольный двор находился за Рыбным рынком. Ворота были распахнуты, но пройти мешала низкая повозка. Двое рабочих снимали с неё ящик, третий придерживал лошадь; я постояла под навесом, пока освободится проход. На каждом повороте ящика сухо шуршала солома. От одного этого звука мне захотелось перехватить собственный футляр обеими руками.

За повозкой спорили о раме. Пожилая женщина требовала заменить треснувшую пластину, молодая работница показывала ей вывернутую петлю. Женщина смотрела на стек-

ло и не желала признавать, что платить придётся ещё и за дерево.

— Впишите отдельно, — сказала она наконец. — Я с сыном поговорю.

Работница села к столу и быстро составила счёт. На запястьях у неё оставались белые полосы, выше кожа была в мелких царапинах. Когда покупательница ушла, девушка посмотрела на мой футляр.

— К Селин?

— Да. Эйра Вейл.

— Нира Таррис. Мы с ней сёстры. Проходите, только по левой стороне. Справа ещё пол мокрый.

Она вернулась к книге заказов. Я прошла мимо открытого чана; по воде расходились молочные разводы. В глубине двора было жарко. Над печью дрожал воздух, и после холодной улицы я сразу расстегнула куртку.

Селин работала у колеса. Я подождала, пока она отведёт стекло, и только тогда поздоровалась. Она сняла очки, провела запястьем по щеке, размазав белую пыль, и предложила стол у окна.

— Фонд согласовал?

— Условно. Двенадцать фонарей. Договор ещё готовят.

— Тогда начнём с образцов.

Я раскрыла футляр. Селин вынула корону и стала поворачивать, подставляя свету каждый край. На ней было видно то, что в нашей мастерской я перестала замечать: один лепе-

сток короче другого, под третьим прокладка сложена вдвое. Всё работало, пока я знала, куда смотреть при сборке. Селин ничего не сказала, но сняла именно этот третий.

— Какая толщина здесь нужна на самом деле?

Я показала чертёж. Она приложила мерку, затем положила рядом лепесток.

— Ты подгоняла оправу под то, что получилось.

— Я не собиралась делать всю партию сама.

— Хорошо. Тогда оправу тоже нужно будет изменить.

Она произнесла это спокойно, без упрёка, а я всё равно почувствовала потребность защитить свои вечера у ручного колеса. Мы не просто терпели плохое стекло: с ним я проверила рисунок, добилась сбора, получила право просить участок. Хотелось, чтобы она увидела и это.

— Мне важно не потерять утренний свет, — сказала я. — Внизу он приходит ненадолго. Здесь северная стена, здесь высокий склад.

Я разложила карту, оставив чертёж между нами. Селин вытерла руки и наклонилась посмотреть. Спросила, какие стены светлые, где стоят окна, доходит ли отражение от воды. Пришлось доставать полевые заметки: на чистом плане этих подробностей не было.

— Ты считала прямой приход сверху, — сказала она.

— И боковой. Вот второй вариант.

— Он всё равно рассчитан на довольно узкий угол.

Селин достала из шкафа небольшую пластину. По краю

шла едва заметная ступень. Я повернула её, и свет на бумаге перед нами разделился на две неровные полосы.

— В Ордале такие грани делали для складов под склоном, — сказала она. — Зимой верх закрыт тенью, нужно брать свет сбоку. На твоей улице условия другие, но попробовать можно.

Я приложила пластину к старой оправе. Она была шире лепестка; края перекрывали соседние крепления.

— Сюда не встанет.

— Сюда восемь и не нужно. Шесть широких. Между ними меньше железа, наружный размер почти прежний.

— Почти?

Она взяла карандаш. На обороте моего второго рисунка появились шесть крупных лепестков, новая высота паза и места опор. Я считала доли круга вместе с ней. Снимать два держателя было страшно: я столько времени потратила на равномерный восьмилепестковый сбор, что уже воспринимала его как часть самого устройства.

— Край будет тяжелее, — сказала я.

— Да. Пусть корпусник посмотрит, прежде чем заказывать серию.

— И на открытом месте?

— Может оказаться хуже твоего. Я этого не знаю, Эйра. Мы ещё ничего не измерили.

Она положила карандаш. Я ещё несколько мгновений смотрела на рисунок, потом попросила оставить восемь ста-

рых лепестков для сравнения.

— Конечно. Я их у тебя не забираю.

Селин вернулась к шкафу. На полке лежали заготовки нескольких оттенков. Одни казались совсем бесцветными, другие слегка зеленели на толстом краю. Я выбрала взглядом самые прозрачные, но она взяла соседние.

— В этих после охлаждения остаётся напряжение. Для узкой детали не годятся, — объяснила она, заметив мой вопрос. — Смотри через полосу.

Мы по очереди держали стекло перед проверочной пластиной. В глубине проступала тусклая дуга. Я видела такие отметки раньше, но на этой заготовке без её подсказки пропустила бы: снаружи она выглядела лучше остальных.

Нира вошла с ведомостью, когда мы выбирали толщину.

— Мне на сегодня до какого часа записывать колесо?

— До шестого. Эти образцы сегодня не начинаем, только разметим.

Нира кивнула и осталась возле стола. Селин, не поднимая головы, добавила:

— И субботу оставь свободной. Возможно, понадобится ещё один проход.

— Я в субботу не останусь.

Селин остановила карандаш.

— Мы ещё не договорились о сроке.

— Вот поэтому сейчас говорю.

Я сложила карту. Можно было сделать вид, будто я занята,

дать им договорить наедине. Но Селин уже пододвинула ко мне расчёт и сказала, что первая проба займёт три дня после подтверждения. Нира стояла на прежнем месте.

— Сколько комплектов? — спросила она.

— Один из шести по новому рисунку. Для сравнения у Эйры есть старый. Потом, если понадобится, второй вариант края.

— И заготовки на запас?

— Отдельно.

Нира взяла чистый лист. Несколько минут мы считали время, расход стекла, работу у общего колеса. Я предложила сначала сделать более простой край, чтобы понять, годится ли сама форма. Селин согласилась. Сложную ступень оставили только там, где она меняла ход света.

Число часов Нира записала внизу, под материалами. Селин взглянула на него.

— Здесь много. Мы с тобой вдвоём быстрее.

— Здесь на двоих.

— Я вижу.

Нира перевернула лист. На обороте у неё уже были записи: прошлый заказ, подготовка, шлифовка, уборка колеса после смены.

— Ты считала только то время, когда стекло у тебя в руках. Всё остальное я делала до и после.

Селин поджала губы. Я смотрела на стол и боялась вмешаться не вовремя. Их голоса оставались негромкими, но

близость была слышна в каждом слове: они знали, на каком месте другая возразит, и всё равно опять к нему приходили.

— Я оплачу твои часы, — сказала Селин.

— Прошлые тоже?

Она посмотрела на сестру уже сердито.

— Сейчас мы говорим о новом заказе.

— Тогда новый я беру только в пределах смены. В субботу меня не будет.

Нира убрала руки со стола. Мне захотелось сказать, что я заплачу за лишний день, но Ниланова записка лежала в футляре, а лишних денег из одного желания прекратить неприятный разговор не появлялось.

— Давайте срок от подтверждения, — предложила я. — Три рабочих дня для пробы. Если нужна ещё шлифовка, согласуем отдельно. Мне важнее получить годный комплект, чем забрать его к определённому вечеру.

Селин посмотрела на календарь. Перенесла отметку, назвала день. Нира записала и села рядом.

Спор между ними на этом не закончился. Я видела это по тому, как сестра приняла у Селин линейку: за самый конец, не касаясь пальцев. Но новый срок хотя бы не требовал от неё уступить мне свою субботу.

Полная партия оставалась предварительным намерением. Сначала образец, затем две короны, после проверки — остальные десять. Для двенадцати понадобятся семьдесят два лепестка и двенадцать запасных. За сделанные пробы

я платила из денег мастерской. Серийное стекло начинали только по моему письменному подтверждению, после городского аванса.

— И если ты поменяешь форму ещё раз, — сказала Селин, — заново посчитаем работу. Я не включаю все будущие изменения в эту цену.

Я согласилась. Сумма за первый комплект помещалась в выделенный запас на пробы. Остаток был меньше, чем мне хотелось, но он хотя бы существовал.

* * *

Когда мы вышли посмотреть заготовки, у печи уже спорили. Мужчина в короткой куртке размахивал сложенным письмом; за ним стоял второй, с тележкой под плоское стекло. Распорядителя двора не было видно.

— На сегодня договорились, — говорил первый. — Мне окна ставить завтра. Вы мне будете объяснять, почему их нет?

Нира открыла книгу.

— Ваша запись на завтрашнее утро.

— Это вы записали. Я вчера говорил с хозяином.

Селин попросила письмо. Мужчина отдёрнул руку, потом всё же передал. На листе был срок поставки окон для восстановительного дома. Печать фонда я узнала сразу. Внизу рукой распорядителя приписано: «Место найдём».

— Тут дня нет, — сказала Селин.

— День вверху. Читать умеете?

Она вернула лист.

— Вверху день установки. Сейчас печь занята. Наше стекло должно остывать до вечера.

— Ваше стекло. У вас всё ваше. Из Ордаля приехали, теперь местные у собственных печей ждут.

Второй мужчина опустил ручки тележки на землю.

— Хватит, — сказал он. — Нам стёкла нужны.

Но первый уже заметил меня.

— Вы вчера на фонде были. Видели, на что деньги дают? На дома. А я должен отчитываться за чужую очередь.

Я взяла письмо, которое он сунул мне почти в лицо. Прочла приписку, хотя уже знала, что там написано. Он ждал, что я сейчас признаю его право, позову кого-нибудь или хотя бы повернусь к Селин с просьбой уступить.

— Фонд утвердил срок ваших окон, — сказала я. — Место у печи вам обещал распорядитель. Он где?

Нира показала на дверь конторы.

Мужчина выхватил лист и пошёл туда. Его спутник остался у тележки. Извинился, глядя на Селин, потом объяснил, что с утра они уже дважды перевозили рамы: на доме ещё не закончили простенок, но от них всё равно требуют закончить к завтра.

Селин выслушала и сказала, что завтра после полудня может уступить час у колеса, если распорядитель оплатит перенос её работы. Не обещала ничего с печью. Когда человек отошёл, она повернулась ко мне:

— Дай письмо в следующий раз сначала мне.

— Он сам…

— Знаю. Поэтому и говорю.

Я замолчала. Мне было неприятно: я ведь не поддержала его, не требовала освободить печь. Но он обратился ко мне, будто рядом стояла работница, с которой можно не договариваться, и я послушно стала разбирать его бумагу.

Селин взяла со стойки деревянный поддон.

— Подержишь дверь?

Я придержала. В мастерской она поставила поддон на козлы и долго поправляла прокладки, хотя они лежали ровно.

— Шесть лет одно и то же, — сказала она наконец.

Я не знала, что ответить. За двором снова повысили голос; на этот раз ругались уже с распорядителем. Нира вошла, закрыла дверь плечом и поставила на стол три кружки. В воде плавали разбухшие ягоды.

Селин села. Мы немного помолчали. Потом Нира рассказала, как этот же распорядитель обещал соседней мастерской наше утреннее время ещё на прошлой неделе, а когда обе стороны пришли к нему, сказал, что они неверно поняли друг друга.

— Другую печь найдёте? — спросила я.

— Нужна своя, — сказала Селин. — Я помещение смотрела за верхним рынком. Там пол крепкий. Но до зимы не успею.

Она описала окна, вытяжку, место под колесо. Пока гово-

рила, лицо менялось. Даже голос стал другим — не тише и не мягче, просто свободнее. Она уже представляла, где будут стоять её люди и куда сложат готовое стекло.

Нира спросила, сколько стоит аренда. Селин назвала сумму. Сестра подула на кружку и ничего не ответила.

Я знала это молчание. Когда-то сама так сидела перед расчётом мастерской: помещение было настоящим, ключ лежал у хозяина на столе, а между мной и ключом не хватало нескольких месяцев чужого доверия.

— Городской заказ поможет, — сказала я.

Селин посмотрела на наш лист.

— Если будет продолжение. На двенадцать корон я новую печь не возьму.

Это было сказано без разочарования. Я допила воду и достала деньги за первый этап. Мы подписали заказ, сверили число деталей и срок. Нира убрала мой экземпляр под пресс, пока сохли чернила. Потом проводила меня до ворот.

— В субботу не приходите за готовым, — сказала она. — Селин может решить, что успеет одна.

Я пообещала прийти в записанный день.

* * *

В ожидании стекла мы занимались обычными ремонтами. Пришёл хозяин трёх фонарей, которые занимали половину верстака, и долго проверял каждый, хотя всегда спешил, когда приносил их. Я стояла рядом и терпела: его плата закрывала ближайшее жалованье.

Тесса повторяла опыт вечером. Отдельное зерно вело себя спокойно. Мы попробовали занавесить окно и принудительно переключить рисунок, но записали, что это только приближение: настоящий переход занимал другое время. Мне хотелось получить один ясный ответ вместо нескольких листов с ограничениями. Тесса, напротив, всё увереннее отделяла то, что мы проверили, от того, о чём пока могли лишь предполагать.

С договором пришлось сходить в фонд дважды. В первом экземпляре срок изготовления начинался со дня подписи. Я попросила изменить его на день поступления аванса: Селин не могла оплачивать мой городской заказ своим временем. Исправление заняло больше часа и ещё одну очередь. Зато в пятницу мы получили подписанный экземпляр. Деньги обещали перечислить на следующей неделе.

Я отнесла Нилану копию. Он прочитал пункт о сроке, не сказал ничего особенного, но перестал возвращаться к нему в каждом разговоре.

К Селин я пошла в назначенный день, после полудня. На этот раз повозки у ворот не было. Нира открыла мне и сразу предупредила: одна деталь не прошла проверку края, комплект задержится на час.

Я расстроилась сильнее, чем следовало. Уже представляла, как вернусь и мы успеем сравнить сбор до вечера. Селин показала забракованный лепесток. У самого держателя начиналась тонкая трещинка, заметная только при повороте.

— Я его не отдам, — сказала она.

— Я не прошу отдавать.

Резкость получилась лишней. Она и не спорила со мной, просто объясняла задержку. Я убрала футляр с прохода и спросила, можно ли подождать.

Нира принесла табурет. Я сидела у стены и смотрела, как Селин доводит новую деталь. Работы почти не было видно: одинаковые движения, короткая остановка, проверка, опять вода и колесо. Издали легко было решить, что всё давно готово и мастер просто не хочет отпускать вещь.

Через час она разложила шесть лепестков на ткани. Они были шире моих, с небольшим изменением угла у края. Каждый имел свой номер на бумажной бирке. Я проверяла толщину, Селин записывала показания, Нира сверяла с согласованными пределами. На этот раз они разговаривали спокойно, но когда Селин попросила подготовить ещё две заготовки «потом», Нира уточнила день и внесла его в книгу.

Старые восемь лепестков мы уложили отдельно. Селин ещё раз попросила не ставить новые в прежние жёсткие пазы. Для сравнения у окна хватало временной учебной оправы; уличное крепление должен был переделать Бренн.

Я оплатила остаток за пробу. До ворот несла футляр, прижав его к животу, и лишь на улице перевела дыхание. Мне хотелось немедленно увидеть результат. Если новая форма окажется хуже, придётся снова идти сюда, снова считать дни, а потом объяснять в фонде, почему опытный прибор ещё не

готов.

До дома я не свернула, хотя путь проходил рядом.

В мастерской Тесса уже приготовила две временные оправы. Нилан помог закрепить широкие лепестки, оставив зазор по краю. К вечеру дневного света для честного сравнения было мало; мы только проверили посадку и подписали наборы. Я всё же поставила их к окну, один за другим. У шестилепестковой короны отражение легло чуть дальше по внутренней стороне, туда, где мы раньше теряли его на креплениях.

— Завтра измерим, — сказала Тесса.

Я убрала руку с переключателя. Она заметила, что я собиралась попробовать, но не стала ждать объяснений. Накрыла зерно и открыла чистую страницу.

Утром мы начали до прихода первых заказчиков. Короны стояли по очереди на одной и той же установке. Я следила за временем, Тесса — за остатком, Нилан переставлял оправы. Первый опыт сорвался из-за тени телеги за окном. Во втором мне показалось, что шесть лепестков проигрывают. На третьем вышло наоборот.

Мы перенесли стенд и повторили сравнение с отражающей пластиной, имитируя свет от стены. Здесь новые лепестки дали устойчивый, хоть и небольшой выигрыш. На прямом свете старые собирали лучше. Селин предупреждала об этом, но до чисел я всё-таки надеялась получить стекло, которое окажется лучше во всём.

Тесса подвела черту. Я посмотрела на обе колонки и взяла карту нижнего перехода.

— Для этой улицы выбираем шесть. После обмера крепления повторим с полной оправой.

Нилан кивнул. Тесса подписала выбранный набор, оставив прежний для сравнения.

На верстаке новая корона казалась непривычно открытой. Между лепестками было меньше железа, и стекло сильнее выступало над краем. Я поворачивала её, пока не перестала искать глазами два отсутствующих держателя. Потом сняла один лепесток, уложила в маленький футляр и достала чертёж для Бренна.

Глава 5. Место для второго верстака

Бренна я нашла во дворе возле разобранной двери. Он стоял на коленях и придерживал ногой длинную доску, пока молодой работник вытаскивал нижнюю петлю. Сквозь открытый проём виднелась пустая комната. На полу лежали светлые прямоугольники — там недавно переставили ящики.

Я остановилась, чтобы не мешать. Работник ударил по штырю, тот сдвинулся и выпал в ладонь. Бренн поднялся, опираясь о стену, и только тогда заметил меня.

— Образец привезли?

Я показала футляр.

— И размеры. Вы переделываете помещение?

— Пока дверь. Дальше видно будет.

Он отряхнул колено. Молодой человек прислонил доску к стене и спросил, куда поставить козлы.

— Орен, убери к наружной стене. Проход оставь.

Тот обернулся ко мне.

— Орен Келт. Вы по фонарям?

Я назвала себя. Он сразу спросил, правда ли они будут зажигаться без ежедневной смены кассеты. Бренн прошёл к мастерской, оставив нас у двери, и мне впервые за несколь-

ко дней удалось рассказать об устройстве человеку, который ещё не слышал всех оговорок. Я объяснила дневной сбор, показала широкое стекло. Орен взял футляр за нижний край и посмотрел сквозь лепесток на двор.

— Для освещения внутри такое сделать можно?

— Если приёмную часть вывести к окну или наружу.

Он оглянулся на пустую комнату.

— Там света мало. Стол у стены днём почти весь в тени.

Я подошла к порогу. Комната была длинная, с одним окном, загороженным соседней крышей. На штукатурке карандашом отметили высоту будущих полок. Внизу, на расстоянии вытянутой руки от входа, стояли четыре короткие черты.

— Под стол?

— Под верстак. Мы вчера мерили.

Орен говорил с заметным удовольствием. Я представила его здесь, у готового стола, на своём месте, и уже хотела спросить, когда они переезжают, но он вернул мне футляр.

— Если помещение возьмём. Пока не решили.

Бренн позвал нас из мастерской. Орен забрал инструмент, я прошла следом.

Внутри работали двое. Один правил кольцо на деревянной оправке, другой снимал заусенец с длинной полосы. Стук был негромкий, но непрерывный. Разговаривать приходилось близко друг к другу, и Бренн освободил для меня место с той стороны стола, где не мешал зажим.

Я разложила новый рисунок. Шесть лепестков занимали

почти прежний круг, зато требовали более широкого паза. Бренн изучил их основание и попросил у Орена лист тонкого металла.

— Железо ещё не режем, — сказал он. — Сначала примерим.

Он закрепил полоску в упоре, согнул по отметке и подал мне. Одной рукой управлялся спокойно, но на маленьком винте задержался. Орен уже потянулся помочь; Бренн покачал головой, переставил упор и довернул сам. Ученик отошёл к своему месту, ничуть не обидевшись. Видимо, они давно знали, когда помощь нужна, а когда только собьёт движение.

Я приложила стекло к пробному держателю. Внизу осталось слишком мало места для моего рисунка.

— Здесь нельзя прижимать, — сказала я. — Под краем пойдёт приёмный штрих.

Бренн посмотрел на сечение.

— На бумаге он ниже.

— Это до новой формы. Теперь нужно поднять вместе с лепестком.

— Насколько?

Я взяла у него карандаш и показала. Он не сразу согласился: при таком подъёме внешняя скоба закрывала часть света. Мы сдвинули её вбок, примерили снова. Я держала стекло, Бренн подводил полоску. Когда край оказался на месте, отражение легло на приёмный участок без тени.

Орен перестал работать и подошёл посмотреть. Я попросила его подать белую дощечку. Он поставил её за образцом, и теперь стало видно, сколько света отнимало старое крепление.

— Вот поэтому мы не можем просто расширить паз, — сказала я.

Бренн кивнул. Отодвинул первый кусок металла, начал новый.

Я любила эту часть работы. Пока не нужно было оправдывать цену, объяснять срок и ждать подписи. Было стекло, которое я могла повернуть, железо, которое Бренн мог согнуть, и вполне определённое место, где одно мешало другому. Через полчаса у нас лежали два пробных держателя. Оба выглядели неуклюже, зато я знала, какой понесу на стенд.

Сложнее оказалось решить, как снять лепесток для чистки. Бренн предложил закрытую скобу, я попросила доступ без полной разборки. Орен принёс маленький откидной замок со своего стола.

— Для крышек делали. Можно укоротить.

Бренн попробовал ход, потом передал мне. Я нажала на пластину большим пальцем. На зажившем порезе натянулась кожа, но замок открылся.

— В перчатке тоже смогу, — сказала я.

Орен подал свою. Она была велика, кончики пальцев болтались. Я надела её, повторила движение и попросила оставить образец до следующего дня.

— Отмечу в выдаче, — сказал Бренн.

Он назвал небольшую цену за переделку двух опытных оправ. Я сравнила с нашим запасом на пробы. Одна помещалась без труда, на вторую уже приходилось брать деньги из другой строки. Предложила сначала закончить первую, но заказать материал сразу для обеих: если форма подойдёт, не придётся ждать новую полосу.

Бренн согласился. Мы условились, какую часть я плачу сейчас. Я достала кошелёк, и в этот момент у двери появился Корин Восс.

Я узнала его не сразу. Видела прежде на торговом дворе, где он разговаривал с поставщиками, но имени не знала. Невысокий мужчина, короткая борода, аккуратно убранные под ворот волосы. В руках он держал перчатки и сложенный лист.

Бренн положил мой расчёт лицом вниз.

— Я просил после полудня.

— У меня тогда встреча, — ответил Корин. — На минуту.

Он повернулся ко мне и представился. Я назвала себя, собираясь убрать стекло и дать им поговорить. Корин посмотрел на футляр.

— Это для городского заказа? Хорошая работа. Нижнюю улицу давно пора осветить.

— Мы пока делаем опытный прибор, — сказала я.

— Конечно. Но деньги уже согласованы.

Я не ответила. Не было тайны в том, что фонд одобрил

заявку, однако от человека, с которым только что познакомилась, эта фраза прозвучала как вопрос о содержимом моего кошелька.

Бренн показал на дверь во двор.

— Пойдём.

Они вышли. Я закрыла футляр, но Бренн обернулся и попросил подождать: ещё нужно было оформить выдачу замка. Осталась у верстака с кошельком в руке, потом убрала его в сумку.

Орен вернулся к полосе. Он работал медленнее, чем до появления гостя, и часто смотрел во двор. Через открытую дверь доносились отдельные слова. Корин называл срок, Бренн отвечал негромко. Я нарочно повернулась к окну, хотя перестать слышать от этого не могла.

— До весны пустую держать не получится, — сказал Корин. — Либо платишь за всё, либо сдаёшь заднюю часть.

— Там будет сборочная.

— Когда?

Дальше они отошли. Орен с силой провёл напильником, тот сорвался и ударился о край. Молодой человек выругался, положил инструмент и вытер ладонь.

— Порезался?

Он покачал головой. Крови не было.

Я снова достала чертёж. На нём не хватало размера для отверстия под замок; вписала его, чтобы не сидеть без дела. Во дворе подняли снятую дверь. Кто-то попросил отступить

от порога, и голоса на несколько мгновений затихли.

Корин вернулся первым. Подошёл не ко мне, а к свободному краю верстака, разложил бумагу и разгладил сгиб ладонью. Бренн стоял рядом.

— Сегодня подпись не нужна, — сказал Корин. — Посмотри спокойно. Я зайду завтра.

— Я сам дам знать.

Корин кивнул. Прощаясь, он ещё раз посмотрел на футляр, но о фонаре больше не спросил.

Бренн сложил бумагу и убрал под журнал. Я пододвинула ему мой расчёт. Он взглянул, потом снова прочёл с начала, будто не узнавал цифр, которые сам назвал несколько минут назад.

— Всё верно, — сказала я. — Материал на две. Сегодня работа только по первой.

Он расписался и отдал мне копию.

* * *

Орен принёс замок в небольшом полотняном мешочке. К нему уже была привязана бирка, но у двери он задержался.

— Бренн, а стол тогда не переносить?

— Пока нет.

— Мы на завтра человека звали. С телегой.

Бренн отложил перо.

— Кто звал?

— Я. Вы вчера сказали, можно договариваться.

— Орен, я сказал узнать цену.

Молодой человек покраснел. Я смотрела на мешочек с замком и не знала, куда деться. Они оба были уверены, что вчера говорили ясно. Судя по тому, как Орен опустил плечи, выяснять точные слова он не собирался.

— Я отменю.

Он положил мешочек рядом со мной и вышел. Бренн какое-то время не двигался, затем взял журнал.

— Мне нужно до завтра решить с помещением, — сказал он. — Иначе за оправу возьмусь позже, чем обещал.

— Насколько позже?

— На день. Может, два. Скажу утром.

Я молча пересмотрела свои записи. На городской двор нас ещё не назначили, поэтому два дня ничего не ломали. Всё равно было досадно: я только что радовалась, как быстро мы договорились.

— Хорошо. Только утром, пожалуйста. Мне нужно сообщить Тессе, что она собирает.

Бренн кивнул. Я убрала бумаги, но он не отошёл от стола.

— Он за мастерскую заплатил, когда я её брал, — сказал он наконец. — Восс. Часть долга ещё осталась.

Я посмотрела на него. Он не предлагал прочитать письмо и не просил помощи. Просто объяснил то, о чём я всё равно могла догадаться, услышав разговор.

— За заднюю комнату тоже?

— За всё. Там хотел людей посадить. Сейчас за пустое место платим, а толку нет.

— Орен уже считает его своим.

Бренн провёл ладонью по затылку.

— Знаю.

Мне хотелось спросить, сколько осталось долга. Я могла бы сравнить суммы, предложить график, хотя только что сама выбирала, на что хватит денег из маленького кошелька. Вместо этого я спросила, что будет с работниками, если комнату сдадут.

— Пока останутся здесь. Артель тогда отложим.

Он произнёс это, глядя на дверной проём. Четыре карандашные черты на полу были отсюда не видны, но я их помнила.

— Вы уже договаривались об артели?

— Разговаривали. Орен хочет долю инструментом внести. У второго деньги небольшие есть. У меня станки и заказчики. Если взять больше работы, одному всё равно не вытянуть.

Я впервые услышала, что его люди собираются не просто получить новый стол. Орен смотрел на комнату как на место, в котором будет принадлежать ему хоть что-нибудь, кроме собственных часов.

Из двора донёсся стук. Бренн поморщился и посмотрел на дверь.

— Руку в триста восьмом потерял, — сказал он, заметив мой взгляд. — Тогда казалось, лишь бы обратно за верстак. Вернулся. Теперь опять тесно.

Он опустил правую ладонь на упор. Говорил без гордости, устало. Я не знала, как ответить, чтобы мои слова не превратили его мастерскую в утешение за то, что с ним случилось.

— Может, Орену стоит сказать до того, как он отменит телегу.

Бренн поднял голову. На мгновение я решила, что он рассердится: я пришла за деталью, а уже советовала, как разговаривать с людьми. Но он лишь посмотрел через плечо на пустое место ученика.

— Скажу.

Я забрала футляр. У выхода встретила Орена. Он вносил козлы обратно, зацепился за край открытой створки и остановился, прижимая тяжесть к бедру. Я придержала дверь. Он поблагодарил, не глядя на меня.

Во дворе было гораздо холоднее. Я застегнула куртку, проверила мешочек с замком и отправилась обратно.

* * *

В мастерской меня ждало извещение о переводе. Нилан положил его на середину стола и не дал сразу снять куртку.

— Пришёл аванс.

Я взяла бумагу. Триста восемьдесят четыре марки стояли в отдельной строке, рядом с номером договора. Печать была настоящая, дата сегодняшняя. После всех разговоров о задержках я успела подготовиться к худшему и теперь несколько мгновений не понимала, почему он не радуется так же, как я.

Нилан показал свою ведомость.

— Я распределил. Пока ничего не платил.

Мы сели. Первым он отделил деньги на ближайший расчёт, затем металл для опытных оправ и следующую часть стекла. Я назвала сумму, уже уплаченную Бренну, и он вычел её. Впервые весь список не упирался в пустую нижнюю клетку.

Тесса стояла у стенда и ждала, когда я посмотрю новые показания. Я поманила её к столу, подвинула извещение.

— Пришло.

Она прочла и выдохнула. Потом спросила, значит ли это, что можно подтвердить два комплекта Селин.

— После проверки полной оправы. До этого оплачиваем только согласованную подготовку.

Я сказала это почти легко. Ещё вчера любое ожидание казалось потерей времени; теперь, когда деньги уже лежали на счёте, удержать их до нужного дня было проще.

Тесса кивнула и вернулась к своей установке. Нилан записывал платежи. Я смотрела на него и думала об Орене, который отменял телегу, потому что вчера услышал в словах мастера больше, чем тот был готов обещать.

— За эту неделю получишь в пятницу, — сказала я.

Нилан поднял голову.

— Я вижу.

И показал на собственную первую строку.

Я немного посидела рядом, потом убрала извещение в

шкаф. Бреннову задержку записала отдельно. Завтра утром нужно будет узнать новый срок; сегодня можно закончить обычную работу без ещё одного обещания.

После закрытия я зашла к сапожнику. Старая пара всё ещё расходилась у подмётки, а другую я высушила так усердно, что кожа задубела. Мастер потрогал шов, назвал цену, и я впервые за много дней не стала мысленно переводить её в стеклянные лепестки.

Домой вернулась в запасных башмаках, которые он дал до утра. Они были велики и хлопали на пятках. На лестнице пришлось остановиться, приподнять подол и осторожно пройти последние ступени.

Я растопила печь, поставила ужин греться. Из кармана выпал мешочек с замком: забыла оставить в мастерской. Положила его на полку, подальше от воды. Возвращаться из-за него не собиралась.

Пока еда нагревалась, я села и вытянула ноги. За стеной тихо разговаривали, кто-то двигал стул. Мне хотелось рассказать про аванс, про новую корону, даже про чужую комнату с четырьмя чертами на полу. Я вспомнила Дарена у нашего стола — как он держал горячую чашку, как не стал ничего говорить в короткой паузе. Было бы хорошо, если бы он сейчас сидел напротив.

Я позволила себе представить это ненадолго. Потом встала за тарелкой. Есть пришлось одной, но я всё-таки накрыла стол, а не устроилась с кастрюлей у печи.

Глава 6. Подпись под условием

В день испытания я проснулась с уверенностью, что забыла закрыть кассету. Это было невозможно: после меня её проверяла Тесса, потом мы вместе уложили фонарь, а Нилан стянул ящик ремнями. Я всё равно пришла раньше всех и открыла его на полу.

Крышка стояла на месте. Транспортная пластина тоже. Я проверила защёлку, провела пальцем по неподвижному стеклу и села рядом на корточки, чувствуя себя глупо. За прошедшие два дня мы сделали всё, что собирались: получили оправу Бренна, повторили сравнение, отвезли Селин подтверждение на два комплекта. Даже мои сапоги наконец не промокали. Никакой новой беды за ночь не случилось.

Когда пришёл Нилан, я уже укладывала ремень обратно. Он посмотрел на открытый ящик, потом на меня.

— Крышку проверяла, — сказала я.

Он молча помог затянуть пряжку. Я была благодарна ему за то, что не пришлось ещё раз перечислять, кто и когда её проверял.

До испытательного двора шли втроём. Я несла записи, Тесса — футляр со сменным зерном. Ящик Нилан вёз на маленькой тележке, которую одолжил у соседей. На спуске я встала впереди придерживать груз, хотя он уверял, что справится. Ветер лез под ворот, от сырого дерева пахло рекой.

За воротами двора нас остановили, сверили заявку и выдали медную бирку. На ней стоял номер площадки. Тележку нужно было оставить у приёмной, поэтому последние шаги мы несли ящик вдвоём. Я старалась не дышать слишком шумно. Дарен стоял под навесом и видел нас с самого поворота.

Он помог поставить груз, потом спросил, не повредили ли стекло в дороге.

— Нет, — ответила я и тут же заставила себя добавить: — По крайней мере, снаружи не видно.

Дарен посмотрел на меня, и я не поняла, заметил ли он мою старательность. Мне хотелось быть спокойной и уверенной. После двух недель работы я имела на это право. Вместо этого думала о том, как выгляжу, согнувшись над тяжёлым ящиком.

— Давайте сначала осмотрим, — сказал он.

Мы сняли ремни. Нилан достал фонарь, Тесса разложила записи на сухом столе. Дарен не стал сразу касаться прибора, подождал, пока я уберу защитную ткань. При дневном свете корона выглядела менее нарядной, чем у нашего окна: слишком широкие края, открытые держатели, небольшой наплыв на опытной оправе.

— Наплыв уберём на серии, — сказала я.

— Он мешает креплению?

— Нет.

— Тогда запишем отдельно.

Он проверил номер зерна и попросил меня показать, как снимается лепесток. Замок Орена сработал без усилия. Нилан стоял рядом, готовый придержать корпус, но этого не понадобилось.

В дальнем углу площадки лежали три учебные опоры. Дарен выбрал одну, поставил на стол и повернул к нам основанием. В камне были прорезаны тонкие линии, соединённые медными вставками. Одну вставку он вынул и положил рядом.

— Теперь этот участок отделён. Здесь будет фонарь. Соседнюю нагрузку подключим позже, по другой схеме.

Тесса срисовала расположение. Я смотрела на вынутую медь: простая полоска, едва длиннее пальца. С ней два рисунка могли пользоваться общей связью, без неё стояли рядом как два обычных предмета. На улице найти такую границу было куда труднее. Камень уходил в стены, линии закрывали ремонтной штукатуркой, кто-то ставил новый ящик поверх старого.

Я начала объяснять это Дарену и на середине фразы остановилась. Он знал лучше меня.

— Вы получили последние обмеры? — спросил он.

Я достала карту. Вчера из управления принесли дополнение: одну ветвь у лечебницы отметили как неиспользуемую. Я уже перенесла обозначение на чистый лист, и теперь впервые могла показать почти законченную схему.

Дарен прочитал приписку.

— Где акт разъединения?

— В дополнении сказано, что не используется.

— Я вижу. Но с этой стороны рисунок сохранился. Нужно знать, где его разомкнули.

Я развернула вложенную страницу. Там стояли дата ремонта и подпись смотрителя, больше ничего. Вчера это показалось достаточным: если защитой больше не пользуются, откуда ей брать расход? Сегодня рядом лежала маленькая медная вставка, и ответ уже не был таким удобным.

— Я уточню, — сказала я.

— Пока не убирайте ветвь с рабочего плана.

Я зачеркнула своё новое обозначение. Слишком сильно надавила карандашом, бумага продавилась до следующего листа.

* * *

На отдельной опоре фонарь работал хорошо. Мы дождались устойчивого дневного сбора, закрыли часть приёмника, повторили с отражённым светом. В полной оправе результат немного отличался от мастерской, но именно настолько, насколько я ожидала: держатели всё же забирали свою долю.

Я успокоилась. Когда Дарен спросил, почему на втором зерне отдача ниже, показала отмеченную мной разницу распила. Тесса нашла соответствующую строку. Мы переставили зерно, повторили, и показания сошлись.

— Вот здесь нужно сравнивать при одинаковом остатке, — сказала я. — Время само по себе ничего не даст. У этого

начальный запас больше.

Дарен посмотрел на запись, кивнул и изменил порядок следующей пробы. Мне стало хорошо от этого простого согласия. Я говорила о том, что знала, он слушал, и не требовалось сначала доказывать, что я вообще имею право стоять у стола.

Почти пустой отдельный накопитель дал слабый свет. На закрытие входа ещё хватало, но с задержкой: тонкая полоса у основания погасла позже, чем рабочая. Тесса попросила повторить. Во второй раз разница оказалась чуть меньше.

— Запишите оба, — сказал Дарен.

— Уже.

Я посмотрела на неё. Она не торопилась объяснять, почему цифры разные, и не пыталась выбрать более приятную. Дарен подошёл ближе, проверил положение пластины и предложил оставить прибор на расход до конца опыта.

— Отдельно он просто погаснет, — сказала я.

— Проверим время.

Мы дождались, пока фонарь погаснет, записали время и вынули опустевшую кассету. Для следующей серии я поставила заряженную. Дарен взял отдельное зерно для учебного знака, закрепил в соседнем держателе и восстановил связь медной вставкой. Тесса срисовала изменение на новом листе. Нилан следил, чтобы проводящий край не касался металлического поддона.

Учебный знак был маленьким, без настоящих ворот и сиг-

нального колокола. Он брал заряд, удерживал простую защиту между двумя стержнями и позволял видеть расход. На него нельзя было переносить все свойства уличной печати, но для начала он подходил.

При дневном режиме соседний запас не изменился. Мы поднимали и снижали нагрузку, переставляли прибор на другую точку той же опоры. Под вечерний свет его переключали вручную, с четвертью запаса. Оба раза знак оставался устойчивым.

Я выпрямилась, чувствуя, как затекла шея. Весь день хотелось этого: прийти, показать и увидеть, что моя работа выдержала чужую проверку. Тесса листала журнал; Нилан осторожно протянул мне чашку с водой, чтобы не пролить на рисунок.

— Теперь можно готовить два первых места? — спросила я.

Дарен не ответил сразу. Проверил время, сверил номера зерна и закрыл рабочий кожух.

— Крепления можно готовить по строительному разрешению. Подключение пока не подписываю.

Я поставила чашку на стол.

— Что не прошло?

— Не всё сделано. Естественный вечерний переход мы сегодня не смотрели. На общей опоре нижний остаток не проверяли. И участок у лечебницы остаётся неразобранным.

— Мы только что снизили запас.

— До четверти. Отдельный прибор вы проверяли ниже. Это разные условия.

Я знала разницу. Меня раздражало, что он говорил со мной так, словно я её не вижу. Посмотрела на стенд: фонарь горел ровно, учебный знак тоже. Несколько часов ни одного плохого результата. И всё равно опять «пока».

— Если мы переносим каждую проверку на отдельный день, за месяц не закончим.

— Можно остаться до вечера. Но полную последовательность всё равно придётся готовить отдельно. Вы хотите снять исходный запас быстро или дать прибору к нему прийти?

— Быстрый разряд показывает тот же остаток.

— Остаток — да. Рисунок перед переходом будет в другом состоянии. Вы сами записали задержку закрытия.

Я взглянула на Тессину страницу. Там стояли два измерения, которые ещё недавно казались небольшой особенностью настройки. Дарен указал не на худшее число, а на подпись над ними: «Изолированная опора».

— Я не требую сегодня угадать всё, что будет зимой, — сказал он. — Мне нужно, чтобы в акте не оказались вместе результаты разных опытов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.